

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

БАРАНОВА Анна Дмитриевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Магистерская диссертация

Научный руководитель

д. филол. наук, проф. Недялков И.В.

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Магистерская диссертация на тему «Репрезентация образа России в англоязычном публицистическом дискурсе» посвящена исследованию лингвистических приемов раскрытия образа России в средствах массовой информации англоговорящих стран (Великобритании и США).

Актуальность. Образ страны и методы его репрезентации представляют в современном мире особый интерес. Национальный образ влияет на отношение участников мирового диалога к тому или иному государству: положительный образ способствует установлению партнерских отношений, отрицательный, наоборот, вносит вклад в разобщение, столкновение интересов и конфронтацию. Отношение мирового сообщества к России определяет направление экономических, политических, социальных и культурных взаимодействий с нашей страной. Следовательно, мониторинг репрезентации современного образа России за рубежом представляется крайне важным. Данная работа исследует лингвистическое раскрытие образа России в англоязычных СМИ с точки зрения имагологии, лексикологии и стилистики. Данные научные дисциплины интенсивно развиваются и привлекают внимание многих современных исследователей.

Научная новизна работы состоит в выборе актуальных материалов периода 2015-2016 года, которые отражают взаимоотношения России, Великобритании и США на современном этапе и позволяют охарактеризовать современный образ нашего государства, конструируемый крупнейшими англоязычными СМИ. Исследуемая в магистерской диссертации проблема является перспективной и открыта для дальнейших исследований, поскольку национальный образ, равно как и его лингвистическая репрезентация могут меняться в зависимости от исторических и социально-политических условий.

Целью работы является выявление и изучение приемов репрезентации образа России в публицистическом дискурсе Великобритании и США.

Для достижения цели разработаны следующие **задачи**: 1) рассмотреть понятие национального образа с точки зрения имагологии; 2) охарактеризовать основные черты западного образа России; 3) выявить способы лингвистической репрезентации образа России; 4) исследовать приемы описания образа России с точки зрения лексикологии и стилистики; 5) провести лингвистический анализ основных тематических компонентов англоязычного образа России.

Исследовательский материал. Материал собран методом сплошной выборки в анализируемых публицистических источниках. Общий объем материала: 100 публицистических статей и 488 примеров. В работу включена часть собранных примеров.

Объектом исследования выступает образ России в англоязычном публицистическом дискурсе.

Предметом исследования являются средства репрезентации образа России на материале британских сайтов *BBC* и *The Guardian*, а также американских сайтов *CNN* и *The New York Times* за 2015-2016 гг.

Методы исследования. В работе используются следующие методы: 1) метод сплошной выборки; 2) метод лингвистического наблюдения и описания; 3) дефиниционный анализ словарных толкований; 4) лингвокультурологический анализ; 5) стилистический анализ; 6) метод количественных подсчетов.

Апробация работы. Результаты работы были представлены на XX Открытой конференции студентов-филологов в Санкт-Петербургском государственном университете 18 апреля 2017 года.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении обосновывается актуальность и научная новизна магистерской диссертации, формулируются цель и задачи, оговариваются объект, предмет, методы и материалы исследования. Первая глава

«Имагологические и лингвокультурологические особенности англоязычного образа России» посвящена теоретическому рассмотрению таких феноменов, как национальный образ, картина мира, стереотип, а также публицистический дискурс и его особенности. Прослеживается становление образа России на Западе и его основные характеристики. Во второй главе «Лингвистические особенности образа России в англоязычном публицистическом дискурсе» анализируются приемы раскрытия образа России в СМИ Великобритании и США. Приводятся две классификации примеров. С помощью первой, лингвистической, выявляются основные приемы, которые используют англоязычные публицисты для характеристики России. С помощью второй классификации, тематической, показано функционирование данных приемов в разных тематических группах статей. Выявляется, какие особенности современного образа России помогают выразить лингвистические средства. В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Глава I. Имагологические и лингвокультурологические особенности англоязычного образа России

1.1. Имагологическая концепция национального образа

Изучение лингвистических особенностей образа России целесообразно начать с рассмотрения понятия образа, его особенностей и основных составляющих. Концепция образа разрабатывается в русле такой науки, как имагология. Имагология исследует роль литературы в формировании национальной идентичности, представлений о национальном характере, складывающихся в системе словесности образов народов и национальных стереотипов (Поляков 2013: 7). Термин введен Х. Дизеринком в работе «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (1988). Являясь разделом сравнительного литературоведения, данная наука обратила внимание исследователей как на изучение выраженного в текстах национального сознания, так и на исторически обусловленные образы наций, устойчивые культурные стереотипы, сравнение и противопоставление образов своего и чужого. Л.В. Чернец определяет имакологию как «изучение духовного образа народа с точки зрения иного национального сознания» (цит. по Поляков 2013: 49).

Стремление к осмыслению этнических различий между народами наблюдается уже со времен античности и связано, прежде всего, с именем Геродота, которому удалось создать типологию этнографических признаков. Для античного восприятия национальной инаковости среди прочего характерен этноцентризм, то есть, согласно Социологическому энциклопедическому словарю под ред. Г.В. Осипова, стремление описывать и оценивать окружающий мир сквозь призму своих традиций и ценностей, причем собственная этническая общность выступает в качестве эталона. Попытка систематизировать знания о других культурах впервые была предпринята Ю.Ц. Скалигером в его «Поэтике» 1561 года (цит. по Поляков 2013: 10), после чего европейские ученые обратились к сравнительно-сопоставительному анализу наций, основанному на изучении темперамента,

моральных качеств, обычаев, отношения к религии, соседним народам и т.д. В XVII веке появляются так называемые «матрицы» национальных характеров, то есть упорядоченные своды прежде разрозненных представлений об этнической инаковости. Сюда относится трактат «Физико-математические и исторические зеркала примечательных и чудесных вещей» И. Цана (1696) (цит. по Поляков 2013: 10), один из разделов которого посвящен характеристике «пяти важнейших наций Европы – немцев, испанцев, итальянцев, французов и англичан» (там же: 11). Продолжая традицию античных времен, нации Европы формировали представление о собственной идентичности через определение инаковости по отношению к другим, или, как пишет О.Ю. Поляков, через процесс «партикуляризации» (там же). В XVIII веке эта идея нашла законченное теоретическое выражение в работах И.Г. Гердера, который отметил уникальность каждого народа, неповторимость его истории, традиций и обычаев. Учение И.Г. Гердера стало предтечей компаративистских лингвистических исследований, в том числе положений В. фон Гумбольдта, братьев Шлегелей и братьев Гримм о том, что выражением души нации и ее идентичности является язык.

В нашей стране имагология как научная дисциплина складывалась постепенно. Существенное влияние на ее развитие оказал В.Б. Земсков, который отмечал, что для каждой отдельно взятой культуры вне зависимости от уровня ее политического, социального или культурного развития характерно уникальное содержательное наполнение понятия «другого», или «чужого» в отношении как отдельных черт, так и в целостном восприятии (Земсков 2011: 8). Подобное восприятие обеспечивается созданием соответствующих образа, имиджа и стереотипов.

Толковый словарь С.И. Ожегова дает определение образа как обобщенного художественного отражения действительности, облеченного в форму конкретного индивидуального явления. В русле имагологии принято говорить о культурном образе, который французский ученый Д.-А. Пажо

называет результатом значительной несхожести двух культур. Д.-А. Пажо указывает, что образ относится не к объективно существующей действительности, а к представлениям наблюдателя о ней, то есть к сфере воображаемого (Пажо 2013: 137). Являясь сложным и многогранным явлением, образ привлекает внимание различных наук, таких как социология, социальная психология, теория коммуникации. Для данного исследования нам интересно понятие имаготипов, то есть образов наций. Согласно нидерландскому имагологу Й. Леерссену, в понятие имаготипа не входят эмпирически достоверные суждения о нациях, поскольку имагологический дискурс о национальном имеет «воображаемый» характер (Leerssen 2007: 342). Создание национального образа другой культуры способствует формированию представления о ней и разработке соответствующего поведения при возможном коммуникативном контакте. Данный национальный образ находится в неразрывном взаимодействии с образом другого. Как пишет Й. Леерссен, этническая общность конструируется, с одной стороны, благодаря выделению себя из мира, а с другой, исключению из своего состава всех, кто к ней не относится (Leerssen 2006: 17). Однако не стоит забывать и о концепции «диалога культур», разработанной М.М. Бахтиным, которая является противовесом естественному этноцентризму народов. В основе данной концепции лежит мысль о том, что культура полнее и глубже раскрывается не в самоанализе, а через восприятие другой культуры, что является необходимым условием многогранного и всестороннего познания того или иного этноса (Викторова 1992).

Подробнее остановимся на соотношении понятий образа и имиджа, которые в русском языке часто употребляются как синонимы. Образ, как уже отмечалось выше, включает в себя различные субъективные представления о стране или ее народе, формирующие в сознании носителей данной культуры или внешних наблюдателей единую целостную картину, обобщенный «портрет» национального сообщества и государства в целом. Заимствованное из английского языка слово «имидж» соотносится с более узким явлением и

означает лишь определенную часть национального образа, которая намеренно конструируется с помощью тех или иных стратегий и технологий для достижения конкретных целей. В.Б. Земсков утверждает, что имидж выполняет функцию стереотипа пропагандистской направленности, который выступает орудием геополитической борьбы (Земсков 2011: 19). Т.Э. Гринберг приводит отличительные черты имиджа, среди прочих называя упрощенность по сравнению с портретируемым объектом, конкретность и подвижность и способность изменяться в зависимости от текущей ситуации и ожиданий аудитории (Гринберг 2008). Наука о конструировании имиджей получила особое название имиджелогия. Существует политическая имиджелогия (Деркач 2006), которая исследует политический имидж и его использование для регулирования восприятия в системе власти. В русле данного научного направления речь идет не о государстве в целом, а об отдельных лидерах, партиях, государственных структурах, социальных и институциональных группах.

Национальный образ государства может восприниматься по-разному носителями другой культуры. Д.-А. Пажо выделяет четыре типа рецепции национального: 1) иностранная культура может рассматриваться как высшая по отношению к родной; 2) иностранная культура может рассматриваться как низшая по отношению к родной; 3) иностранная культура воспринимается положительно; 4) иностранная культура принимается безоценочно, т.е. происходит объединение культур (цит. по Поляков 2013: 22-23).

Как отмечает Н.В. Загладин, для западноевропейцев третья модель, то есть позитивное восприятие другого государства, возможна при соблюдении ряда условий, к важнейшим из которых относятся либерально-демократические нормы, независимость СМИ, отсутствие насилия и принуждения, предсказуемость внешней политики и соответствие, пусть даже формальное, принципам «единой Европы» (Загладин 2008: 35). По мнению исследователя, положительное восприятие западноевропейцами России практически невозможно, поскольку наша страна остается крупной

ядерной державой, что вызывает озабоченность Запада. Активный экспорт нефти и газа также может являться инструментом политического давления на международной арене. Кроме того, принципы демократии в представлении западного сообщества не находят отражения в современной внутренней политике России. Следовательно, западный образ России, построенный на основании традиционного этноцентризма и противопоставлении «свой-чужой», тяготеет к негативному.

1.2. Понятия языковой и концептуальной картины мира и их основные особенности

Национальный образ государства имеет ярко выраженные лингвокультурные особенности, поэтому невозможно рассматривать его в отвлечении от таких явлений, как язык, культура и картина мира. Первое научное осмысление взаимосвязи языка и культуры было предпринято В. фон Гумбольдтом, который установил, что язык воплощает в себе уникальную для каждой нации материальную и духовную культуру. Национальная специфика культуры отражается во внутренней форме языка, которая представляет «народный дух». В дальнейшем идеи В. фон Гумбольдта были развиты в работах Ш. Балли, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона, А.А. Потебни и других ученых (Маслова 2001: 59).

В современной лингвистике существует несколько взглядов на соотношение языка и культуры. Первый из них гласит, что язык является простым отражением культуры как компонента действительности. Сторонниками этой концепции являются С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян (Базарова 2007: 74). Второй подход, или теория лингвистической относительности, разрабатывался американскими учеными Э. Сепиром и Б. Уорфом. Суть концепции заключается в том, что каждому народу присуще уникальное видение действительности, обусловленное языком (цит. по Black 1959: 228). С.Г. Тер-Минасова отмечает четыре функции языка в его отношении к культуре: язык – это «зеркало», «кладовая», «передатчик» и «инструмент» культуры. Иными словами, язык

отражает действительный мир с учетом особенностей национального менталитета, традиций и обычаев, закрепляет культурные ценности на различных уровнях лексики, грамматики и фразеологии, способствует передаче ценностей из поколения в поколение и участвует в формировании культурной идентичности носителя языка как члена той или иной лингвокультурной общности (далее ЛКО) (Тер-Минасова 2000: 14-15). По мнению А. Вежбицкой, культурная окрашенность характерна для всех лексических единиц того или иного языка за исключением универсалий, или базовых понятий: хороший (good), плохой (bad), знать (know), думать (think) и т.д. (цит. по Иванова 2011: 270).

Активное применение антропоцентрического подхода в современной лингвистике обусловило развитие такой науки, как лингвокультурология, ставшей результатом теоретического осмысления взаимосвязи языка народа и его культуры. Оформившись в самостоятельную дисциплину в 90-х гг. XX в., лингвокультурология обратила на себя внимание таких отечественных исследователей, как В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова (Шаклеин 2012: 5). Данная дисциплина исследует языковые явления в русле их культурной семантики. Как отмечает В.Н. Телия, непосредственная задача лингвокультурологии – изучение актов коммуникации с точки зрения взаимосвязи задействованных в них языковых единиц и национального менталитета (Телия 1996: 218). Стоит уточнить, что менталитет, согласно В.А. Масловой, представляет собой мировосприятие, характерное для языковой личности как члена той или иной культурной общности (Маслова 2007: 61), однако некоторые исследователи используют в данном отношении термин «ментальность». Так, В.В. Колесов понимает под ментальностью интеллектуальные, духовные и волевые качества народа, закрепленные в национальном языке (Колесов 1995: 14). В данной работе понятия менталитета и ментальности не разграничиваются.

Говоря о лингвокультурологии и тесной взаимосвязи языка и культуры, нельзя не заострить внимание на понятии картины мира (далее КМ). Являясь,

как пишет С.Г. Тер-Минасова, «зеркалом» культуры, язык, тем не менее, отражает действительность не объективно, а через призму национального менталитета, верований, традиций, убеждений, стереотипов и т.д. Иначе говоря, зеркало языка является кривым (Тер-Минасова 2000: 40), и его искривленность обуславливается своеобразием КМ данной ЛКО. Большой вклад в разработку концепции КМ внесли А.А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер, Э. Бенвенист. Активное изучение данного феномена началось в 1960-1970 гг. В настоящее время понятие КМ используется множеством направлений языкознания: когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, этнолингвистикой, лингвистикой текста и т.д. (Зыкова 2015: 16).

С.Г. Тер-Минасова различает 1) реальную КМ, представленную объективной действительностью; 2) концептуальную КМ, то есть преломление реальной КМ через национальные культурные представления; 3) языковую КМ, которая выражает преломленную через ККМ действительность (Тер-Минасова 2000: 41). При этом автор отмечает нечеткое научное разграничение ККМ и ЯКМ с преобладанием понимания их как части и целого. ЯКМ представляется уже ККМ, поскольку в формировании последней участвуют не только языковые, но и мыслительные процессы (Тер-Минасова 2000: 46-47).

Е.С. Яковлева определяет ЯКМ как «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» (Яковлева 1996: 47). ЯКМ отражает бытовые, или обывательские знания об окружающей действительности, закрепленной на ментальном уровне в виде внутренних образов. Как отмечает Е.В. Иванова, ЯКМ представляет собой концептуальное пространство, или когнитивную структуру, которая отражает широкую с точки зрения временного охвата интерпретацию действительности в языке, причем мир отражается не фотографически, а как совокупное закрепленное представление социума о нем (Иванова 2014: 136, 138). Вслед за Ю.Д. Апресяном ЯКМ также

называют наивной, поскольку она не стремится к объективному отображению мира, а субъективно обобщает накопленные в обществе знания. В.А. Маслова называет понятие ЯКМ метафорой, поскольку каждый народ обладает не совершенно уникальным пониманием окружающей действительности, но национально окрашенным, имеющим множество точек пересечения с объективно представленным миром (Маслова 2001: 66).

Разработка феномена ЯКМ непосредственно связана с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Иванова 2011: 265). Е.В. Иванова отмечает, что для описания ЯКМ необходимо, прежде всего, осуществить ее реконструкцию, т.е. моделирование концептуальной области, стоящей над семантикой составляющих язык знаков. Являясь обширной и сложной когнитивной структурой, ЯКМ не может быть описана во всей своей совокупности. Исследователи реконструируют только отдельные ее фрагменты (Иванова 2014: 136).

В процессе овладения национальным языком каждый член ЛКО усваивает также и ЯКМ, которая является крайне устойчивой и консервативной и во многом отражает устаревшие представления о мире (Иванова 2014: 136). Свидетельством этого процесса служит фразеология. Например, фразеологизм «воспарить душой» восходит к архаичным временам, когда душа человека считалась самостоятельной субстанцией, способной покидать тело (Маслова 2001: 65). Фразеологизм «на краю земли» отражает устаревшие представления человека о том, что Земля плоская и, хотя данная концепция изжила себя много веков назад, фразеологизм продолжает функционировать в бытовом употреблении. Английский язык также имеет образ края земли в своей фразеологии (*to go to the ends of the earth*), однако здесь измеряется не географическая удаленность, но интенсивность усилий, которые необходимо затратить для достижения результата. Таким образом, как пишет Е.В. Иванова, язык создает некий «промежуточный мир», не в полной мере соответствующий современному объективному миру (Иванова 2014: 137).

Изучение ЯКМ тесно связано с понятием концепта. Впервые термин «концепт» был употреблен в переводах А. Вежбицкой и Ч. Филлмора (Митяева 2015: 1420). Концепт связан с мышлением. С.А. Аскольдов-Алексеев называет концепты «образованиями ума» (Аскольдов-Алексеев 1997: 267). Существуют различные направления исследования концептов, из которых следует выделить лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Как отмечает В.И. Карасик, основное различие между ними состоит в векторной направленности к индивиду: лингвокогнитивный подход направлен от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический наоборот (Карасик 2002: 97). Лингвокогнитивное направление представлено такими учеными, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия (Митяева 2015: 1421). Данный подход рассматривает концепт как ментальное образование, которое обобщает познавательную деятельность и позволяет сконструировать ЯКМ. С другой стороны, лингвокультурологическое направление понимает концепт как базовую единицу культуры и занимается исследованием различных культурных концептов. Представителями данного подхода являются Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова (Митяева 2015: 1462). В.А. Маслова дает понятие ключевых концептов культуры, которые представляют собой базовые элементы КМ, имеющие значимость как для отдельно взятого индивида, так и для всей ЛКО (Маслова 2011: 51). Ю.С. Степанов определяет концепт, с одной стороны, как сгусток культуры в сознании человека, а с другой, как средство включения индивида в культуру (Степанов 1997: 40).

Д.С. Лихачев пишет о единстве лингвистических и культурологических аспектов концепта, отмечая прямую зависимость между культурным опытом человека и богатством его языка и концептосферы (Лихачев 1997: 320). Под концептосферой Д.С. Лихачев, впервые употребивший это понятие в отечественном языкознании, понимает совокупность потенций в словарном запасе личности и всего общества, совокупность концептов как потенций

значений слов, концентрацию духовного богатства культуры и т.д. (Зыкова 2015: 17). В современной лингвистике термин «концептосфера» трактуется по-разному с учетом трех ее разновидностей, прослеживаемых в работах Д.С. Лихачева: концептосферы языка, культуры и личности. Ряд исследователей выделяет из трех лишь одну концептосферу. Иные полагают, что концептосфера есть неделимое обобщающее понятие. Сторонники третьего подхода обнаруживают связь между тремя видами концептосфер. Например, с точки зрения вербализованности концептосфера культуры противостоит концептосфере языка, а с точки зрения коллективности они отличаются от концептосферы личности. Данный вопрос разрабатывается у таких ученых, как Ю.Н. Караулов, В.А. Виноградов, В.Н. Телия, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, В.В. Красных, В.И. Карасик (Зыкова 2015: 18). Большинство современных работ посвящено отдельному изучению трех концептосфер. Так, концептосфера культуры была впервые рассмотрена В.Н. Телия, которая понимала данное явление как совокупность материальной культуры и результатов социального и духовного самосознания личности, складывающегося на основе коллективных представлений (Телия, Дорошенко 2008: 210). Концептосфера делает возможным исследование национальных обычаев, традиций, верований, а также отношения народа к прочим ЛКО.

Т.Г. Добросклонская отмечает существование культуроспецифичной информационной КМ, непосредственно связанной с функционированием СМИ и способом подачи информации в медиа-источниках. Исследователь утверждает, что культурологические параметры измерения культур, такие как отношение ко времени, пространству, индивиду и т.д., оказывают существенное влияние на новостной поток. Например, американская культура характеризуется большим этноцентризмом, чем русская, поэтому в американских СМИ преобладают местные, а не зарубежные новости (Добросклонская 2005: 186).

Таким образом, КМ отражает не объективные свойства действительности, а лишь обусловленные культурой представления человека об окружающем его мире. Следовательно, можно утверждать, что подача материала в СМИ во многом обусловлена именно национальной спецификой КМ.

1.3. Понятие стереотипа и устойчивые стереотипы о России

Национальный образ государства в восприятии представителей иной ЛКО неизбежно опирается на КМ и закреплённые в ней стереотипы. Работа американского социолога У. Липпмана «Общественное мнение» (1922) стала первой попыткой научного осмысления феномена стереотипа. Стереотипизация описывалась У. Липпманом как способность сознания человека преобразовывать поступающую из внешнего мира информацию по определенной схеме. По мысли ученого, стереотипы определяются культурой и представляют собой упорядоченные «картинки мира», помогающие как ориентироваться в обширном информационном потоке, так и сохранять в сознании человека определенные ценности. У. Липпман отмечал, что, несмотря на очевидную умозрительность, необоснованность эмпирическим опытом, клишированность и тесную связь с предрассудками, стереотипы, тем не менее, помогают при первичной ориентации и социализации индивида в незнакомой ему культуре. Работа У. Липпмана была взята за основу более поздних исследований данной проблемы как на Западе, так и в России (Ужегова 1999: 10). Впоследствии ученые продолжали отмечать, с одной стороны, обобщенность, предвзятость и малоподвижность стереотипов, а с другой, их относительную связь с действительностью и роль в формировании социальной идентичности.

Как пишет В.В. Красных, с точки зрения когнитивной лингвистики стереотип представляет собой детерминированный культурой инвариант участка КМ, или некую закреплённую в сознании метальную «картинку», в которой отражен определенный «типовой» фрагмент действительности (Красных 2003: 231). Стереотип дает представление о феноменах, которые

являются не прецедентными, а гипотетическими. Исследователь выделяет две группы стереотипов: поведенческие, функционирующие как клише, в частности стереотипы коммуникативного поведения, и стереотипы-представления, функционирующие как эталоны, которые продуцируют определенные устойчивые ассоциации с тем или иным объектом и тем самым предопределяют языковое описание данного объекта.

Национальные стереотипы, как отмечает польский ученый А. Шафф, усваиваются индивидуумом в процессе воспитания и социализации в той или иной культурной среде, направлены на определенную расовую, национальную, классовую или иную общность и отношения между ними и всегда связаны со словом-названием. Ошибочно принимаемые за истину, национальные стереотипы могут лишь частично соотноситься с действительностью и отличаются независимой от своей эмоциональной нагрузки устойчивостью. А. Шафф утверждает, что стереотипы имеют функцию защиты принятых в данном обществе ценностей и являются важным условием личностной интеграции в группе (цит. по Поляков 2013: 97). Влияние стереотипов на человека тесно связано с соотношением его личного и группового опыта (Ужегова 1999: 5). Чем обширнее личный опыт освоения действительности, тем легче изменяются заложенные социализацией стереотипы. И наоборот, чем меньше личный опыт и больше групповой, тем устойчивей становятся стереотипы. В.А. Хорев пишет, что разные социальные слои отличаются разным уровнем стереотипизации представлений о других народах и культурах. Интеллектуальная элита склонна опираться на знания, в то время как «массы» в основном полагаются на бытующие в обществе стереотипы (цит. по Поляков 2013: 62).

В отношении национальных стереотипов имаголог М. Синирелла выделяет активные стереотипы, то есть регулярно циркулирующие в таких общественных сферах, как медиа и искусство, и dormantные, которые могут обнаружиться при определенных исторических и социально-политических

условиях и требуют в связи с этим особого внимания со стороны специалистов по межкультурной коммуникации (цит. по Поляков 2013: 94).

Оппозиция «свое-чужое», дополненная этноцентризмом, является мощным инструментом порождения малоподвижных и зачастую негативных стереотипов о других странах и народах. В.А. Хорев отмечает, что противопоставление культур нередко перерастает в их конфронтацию, подкрепленную чувством собственного превосходства и наделением другой культуры отрицательными характеристиками: бесчеловечностью, жадностью, хитростью, лицемерием, жестокостью и т. д. (цит. по Поляков 2013: 63). Все это ведет к закреплению в обыденном сознании этнических стереотипов, которые зачастую становятся частью господствующей в обществе идеологии.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, в научной литературе нет однозначного определения понятия «идеология». В то время как в русском языке слово идеология является нейтральным и обозначает общественно-политический термин, англоязычные источники говорят о негативном, даже пренебрежительном коннотативном наполнении соответствующего слова *ideology*, например, фашистская или нацистская идеология. Тем не менее, и русские, и английские определения сходятся в том, что идеология – это определенная система идей и верований (Тер-Минасова 2000: 195).

Как отмечает М.С. Ретунская, социально-идеологической оценке подвергаются, как правило, политика и политическая деятельность, государственный аппарат, экономическая ситуация, формы социального поведения, национальные и религиозные отношения, причем оценка неразрывно связана с исторической эпохой и временем (Ретунская 1996: 169). Идеологически ориентированная лексика выражает социальную оценку: *machiavellian* – «беспринципный политик», *toryism* – «наличие идеологических свойств консерватизма, стойкой приверженности традициям» (там же: 171). Лингвистически выражая оценку того или иного политического явления, субъект заявляет о своей гражданской позиции.

С.Г. Тер-Минасова проводит идеологическое разграничение между, с одной стороны, советским и постсоветским русским языком, а с другой, между британским и американским вариантами английского языка, утверждая, что с идеологической точки зрения современный американский английский близок советскому русскому (Тер-Минасова 2000: 197). Это подтверждается подчеркнутым патриотическим содержанием языковых единиц, например, американцы называют свою страну *America the beautiful* – «Америка-красавица» и используют олицетворение в виде местоимения *she*: *Where America was and where she is now* – «Где Америка была и где она сейчас» (Тер-Минасова 2000: 197). Однако СССР и США принципиально различаются своим подходом к восприятию личности. Идеология СССР фокусировалась на коллективизме, который продолжает доминировать в сознании русских людей и на современном этапе. В США традиционно для западного общества пропагандируется индивидуализм. Лингвистически эта разница отчетливее всего прослеживается в лексическом слое языка на примере отдельных слов, словосочетаний или паремий. Так, В.Н. Телия упоминает характерную для носителя русского языка базовую метафору «Народ – это семья» и связанные с ней единицы «Родина-мать», «братский народ» (Телия 1996: 259). П.Л. Коробка иллюстрирует английский индивидуализм такими пословицами, как *Every man for himself* – «Каждый за себя» и *Charity begins at home* – «Благотворительность начинается дома» (Коробка 1999: 124).

Западному образу России свойственна высокая степень мифологизации и обилие мифологем. Понятие мифологемы было введено К.Г. Юнгом в рамках его теории психоанализа, однако с точки зрения лингвистики данный феномен может пониматься по-разному. Так, в когнитивистике мифологемой называют элемент наивного представления о мире. В социолингвистике мифологему отождествляют со стереотипами массового сознания (Коновалова 2013: 210). З.А. Ужегова отмечает, что российский национальный миф включает в себя три уровня мифологем, или стереотипов:

бытовой, литературный и политический (Ужегова 1999: 10). Таким образом, исследователь ставит знак равенства между мифологемой и стереотипом. В рамках данной работы мифологема и стереотип также не разграничиваются.

Бытовые мифологемы о России связаны с представлениями о русском климате и национальной психологии. Сюда включены культурные реалии, например, водка, балалайка или самовар. Бытовой миф может поддерживаться самим государством в коммерческих целях благодаря созданию соответствующего имиджа, привлечению иностранных туристов, продаже сувениров и т.д. Что касается литературного мифа, то он способствует отождествлению иностранцами реальной российской действительности с ее отображением в национальной литературе. Как пишет В.С. Елистратов, классическая русская литература становится синекдохой для российской действительности и единственной призмой, сквозь которую иностранцы воспринимают Россию. Причем за пределами России известны, как правило, лишь те произведения, которые укрепляют национальный миф. Это книги Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, но не, к примеру, Н.С. Лескова (Yelistratov 2012). Что касается политических мифологем, то, как отмечает норвежский специалист по проблемам международных отношений И. Нойманн, для образа России характерны доминантные мифологемы «варвар у ворот» и «ученик» (Нойманн 2004: 214). В XVI-XVII вв. русские ассоциировались со скифами, татарами и калмыками. Путешественники и исследователи называли царя тираном, народ рабами и описывали обряды, напоминающие языческие. Петр I также воспринимался европейцами как варвар, однако отношение к нему, ученику Европы, было положительным. В XX в. добавились новые оппозиции: демократический – тоталитарный, рыночный – планируемый. В годы перестройки и после распада СССР активизировалась мифологема «ученика», но в дальнейшем, включая современную международную обстановку, укрепилась мифологема «варвара».

Существуют немногочисленные позитивные стереотипы о России, в основном связанные с российской культурой и фольклором. Так, в 1980 г. была опубликована книга американской журналистки Сюзанны Масси «Земля Жар-птицы. Краса былой России» (Massie 1982). Автор отмечает художественную одаренность русских, разнообразие фольклора, природную музыкальность и обилие народных песен, которые вдохновили таких великих композиторов, как П.И. Чайковский, М.И. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков, М.П. Мусоргский и И.Ф. Стравинский. Однако в большинстве своем стереотипы о России являются негативными. Известный французский историк, социолог и журналист Э. Тодд пишет: «Многие из наших СМИ, слишком привыкшие к изнеженности сверхразвитого общества, находят удовольствие в создании имиджа России как государства, внушающего опасения» (Тодд 2004: 190). Как отмечает Н.П. Михальская, у англичан символами нашей страны являются топор и икона (Михальская 1995: 145).

Согласно стереотипам, русские живут в условиях экстремального климата, поэтому им свойственна угрюмость, подозрительность и пристрастие к спиртному, особенно водке. Как пишет А.В. Павловская, на протяжении нескольких веков первейшими ассоциациями со словом «Россия» на Западе являются мороз, снег, зима и все, что с ними связано, например, меха, шубы и шапки-ушанки (Pavlovskaya 2012). Распространены гиперболизации: страна не просто большая, но огромная, богатство – несметное, нищета – невиданная, рабство – полное, власть – абсолютная, мороз – ужасный, жизнь – суровая (Михальская 1995: 145). В представлении европейцев русский человек чужд духу предпринимательства, он не обладает дисциплиной, его поведение непредсказуемо. В восприятии западного человека отсутствие индивидуализма мешает нашей стране развиваться с экономической точки зрения (Pavlovskaya 2012). В целом, отношение наших западных современников к России совпадает с тем, что было сто лет назад. Так, Т.Р. Титова пишет, что в 2013 г. стала участником такого диалога в

Испании: Он: «Вы русская?» Она: «Да». Он: «Я знаю, как называется Ваш президент. Его называют tzar!» (Титова 2014: 104).

Таким образом, обобщенность и семантическая ограниченность стереотипов о нашей стране порождают оппозицию сформированного культурой, фольклором и литературой образа «загадочной русской души» и агрессивной непредсказуемости политического развития России.

1.4. Становление образа России в Западном мире

Россия и страны Запада имеют длительную историю взаимоотношений. Первые упоминания о Руси встречаются в средневековых источниках IX-XIII вв., однако постоянные контакты были установлены позже, во времена правления Ивана IV Грозного, в 1550-х гг.

Серьезный вклад в становление европейских представлений о России был внесен во второй половине XVI века благодаря работам австрийского дипломата С. Герберштейна «Записки о Московии» (1549) и английского дипломата Д. Флетчера «О государстве русском» (1591). Гораздо позже сформированный образ был подкреплён и развит в книге французского аристократа маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В отличие от предшественников, стремившихся объективировать увиденное, маркиз де Кюстин внес вклад в формирование европейской русофобии. Среди государственных пороков он отметил деспотизм самодержавия, чиновничество и бюрократизм: «Россией управляет класс чиновников. Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну» (Кюстин 2008: 529). В Европе книга имела громадный успех, в России же была запрещена.

Как известно из истории, отношения России и стран Запада часто находились в стадии конфронтации, а неоднократно отмечаемое отсутствие демократических свобод и существовавшее до 1861 года крепостное право, называемое на Западе рабством, только усугубляли периодически обострявшиеся антирусские настроения. В целом, сложившийся на начало

XX в. образ России характеризовался противоречивостью. Так, британские путешественники и литераторы отмечали огромные пространства, несметные богатства и мощь нашей страны, силу и бесстрашие народа, вместе с тем называя Россию страной варваров. Нищета народа и богатство царя, необразованность масс и просвещенность аристократии, порабощенность крестьян и абсолютная власть дворян стали основными оппозициями, которые, трансформировавшись в стереотипы, дошли до наших дней.

Анализируя исторические события, можно сделать вывод, что интерес Западных стран к России обострялся в переломные периоды, определявшие вектор дальнейшего развития. Это революция 1917 г., рубеж 1920-1930х гг., когда благодаря успехам индустриализации СССР был признан многими государствами мира. Период Второй мировой войны, особенно после Сталинградской битвы, отмечен ростом симпатий к России и СССР. Однако во второй половине XX в. в связи с международной политической ситуацией СССР стал восприниматься на Западе в крайне негативном ключе как враг, препятствующий развитию демократии и представляющий военную угрозу для цивилизованного мира. Взлет интереса к России пришелся на начало 1990-х гг., когда внутренние события нашей страны вызвали положительную реакцию Западного мира. В этот кратковременный период наблюдался пик совместных проектов в науке, культуре и образовании, в изучении политической истории страны и русского языка. На современном этапе мы наблюдаем явное обострение отношений между Россией и странами Запада, что безусловно оказывает определяющее влияние на репрезентацию образа нашей страны за рубежом.

В связи с этим интересное лингвистическое наблюдение провела Е.М. Масленникова (2014). Проанализировав прилагательные-определения со словом *Russian* в художественных и публицистических текстах британских авторов XX в., исследователь обнаружила следующее: во время Второй мировой войны компонентами словосочетаний со словом *Russian* являлись «безбожный, безнравственный» (*ungodly*, 1941), «стойкий» (*resisting*, 1943),

«практичный, реалистичный» (*realistic*, 1944), «победивший» (*victorious*, 1945). Во время холодной войны использовалось слово «подозрительный» (*deeply distrustful*, 1945). Период 1950-х гг. отмечен такими характеристиками русских, как «пьяный» (*drunken*, 1958), «ненавистный» (*hated*, 1958). Русские 1960-х гг. показаны как прогрессивно мыслящие (*progress-conscious*, 1967). Русские 1980-х гг. заражены ксенофобией (*xenophobic*, 1982), при этом являются сторонниками реформ (*reform-minded*, 1982). Источники 1990-2000 гг. более резки: «проклятый» (*fucking*, 1993), «кровожадный» (*bloody*, 2003). Примеры показывают, что языковые единицы, использующиеся для качественной характеристики «русского», в каждом периоде обладают собственными, позитивными или негативными, коннотациями в зависимости от текущей международной ситуации.

В 2014 г. служба BBC составила рейтинг отношения к различным государствам на основании опроса рядовых граждан в 24 странах мира. Негативное отношение к России выказали 45% респондентов, в то время как положительное мнение о нашей стране выразили 31% опрошенных. Это худший показатель за девять лет наблюдений. Самые низкие позиции Россия имеет в восприятии граждан Европы и Северной Америки. Так, 69% французов, 67% немцев, 64% англичан и американцев и 62% канадцев относятся к нашей стране негативно. С другой стороны, азиатские страны выказывают России симпатии. 55% китайцев и 38% индийцев положительно относятся к нашей стране (Русская служба BBC 2014). В 2015 г., по данным службы Pew Global, негативное отношение к России выразили 67% американцев, 66% англичан, 59% канадцев, 70% французов и немцев. С другой стороны, 75% вьетнамцев, 51% китайцев и 43% индийцев относятся к нашей стране положительно (PewResearchCenter, 2015). Таким образом, современный образ России на Западе является преимущественно отрицательным, что находит отражение и в публицистическом дискурсе.

1.5. Особенности современного публицистического дискурса

Понятие дискурса является широко распространенным в современном языкознании, однако единого, общепризнанного определения данного феномена до сих пор не существует. Термин «дискурс» был введен в научный оборот Ю. Хабермасом как обозначение такого вида речевого взаимодействия, при котором исследуются общественные ценности и нормы. На современном этапе развития научного знания выделяют три основных группы подходов к определению понятия дискурса. Первый из них является собственно лингвистическим. Начало ему положил З.З. Харрис, используя термин «дискурс» в заголовке своей статьи «Дискурс-анализ» (цит. по Ленкова 2010: 95). Данный подход предполагает описание дискурса как речи, используемой в коммуникативной ситуации и, следовательно, приобретающей те или иные социальные характеристики. Лингвистическое понимание дискурса представлено англоязычным научным сообществом, а также работами Э. Бюиссанса и Э. Бенвениста (Ленкова 2010: 96). Второй подход к дискурсу связан с исследованием стиля и идиолектов и восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, в частности, М. Фуко. Также в данном направлении работали А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Пеше (Чернышева 2003: 110-111). В рамках третьего подхода дискурс понимается как идеальная коммуникация, максимально удаленная от социальной реальности и традиций и служащая изучению характеристик участников речевого взаимодействия. Данное направление восходит к работам Ю. Хабермаса (Костомаров 1989: 99-100). Как пишет В. В. Красных, дискурс может рассматриваться в трех ипостасях: формально как речевое произведение, превышающее по объему предложение, функционально как любое использование языка и формально-функционально как совокупность функционально организованных в контексте языковых единиц (Красных 2003: 112). В рамках данной работы используется формально-функциональный подход к определению дискурса.

Дискурс обладает как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими признаками. Основными характеристиками

дискурса являются его цельность и связность, то есть, с одной стороны, смысловая общность его компонентов, а с другой, обусловленное языковыми закономерностями интонационное, семантическое, грамматическое и логическое единство оформления (Григорьева 2007: 45). Связность дискурса является собственно лингвистической категорией, цельность же входит в область психолингвистики (Красных 2003: 135).

В.В. Красных выделяет две стороны дискурса. Как процесс дискурс представляет собой вербализуемую речемыслительную деятельность и связан с сознанием, то есть имеет лингвокогнитивный план. Как результат дискурс является совокупностью текстов и выражается в отборе тех или иных языковых единиц, то есть имеет собственно лингвистический план (Красных 2003: 113-114). Несмотря на то что понятия текста и дискурса тесно взаимосвязаны, они обозначают разные феномены. Так, давая определение дискурса, Т.Г. Добросклонская в первую очередь пишет, что это связный текст, после чего добавляет к определению экстралингвистические (социокультурные, прагматические, психологические) факторы, подчеркивая динамичность дискурса в противовес статичности текста (Добросклонская 2005: 28). В.В. Красных понимает текст как основную единицу дискурса, отмечая, что в широком смысле текстом можно назвать любой целостный продукт речевой деятельности (Красных 2003: 116). В рамках данной работы проводится исследование публицистических текстов (далее ПТ) как непосредственных единиц публицистического дискурса (далее ПД).

Понимание публицистики как особого вида дискурса и ее дискурс-анализ представлен в работах голландского ученого Теуна ван Дейка «Анализ новостей как дискурса» и «Структура новостей в прессе». Исследователь отмечает, что необходимо рассматривать новостные тексты как продукт когнитивной и социальной деятельности журналиста (ван Дейк 2000: 123). Е.С. Кубрякова и Л.В. Цурикова также утверждают, что материалы СМИ выражают коммуникативно-когнитивную функцию языка и являются дискурсивной деятельностью (Кубрякова, Цурикова 2008: 183). Английский

лингвист Н. Феерклаф отмечает, что дискурс СМИ предполагает пространственную удаленность автора и адресата и однонаправленность речевого общения (Fairclough 1989: 49). Поскольку ПТ всегда ориентируется на определенную целевую аудиторию, то, как пишет Т.В. Чернышева, автору необходимо добиться пересечения своей и читательской концептуальных систем и тезауруса. Иными словами, для успешной реализации коммуникативной интенции автор и читатель ПТ должны иметь общую КМ и показывать коррелирующий уровень владения языком (Чернышева 2003: 34).

Ю.Н. Караулов пишет, что процесс понимания включает в себя проведение фразы через тезаурус, ее соотнесение с имеющимися в сознании человека знаниями и поиск ее места в КМ. Исследователь отмечает, что благодаря этому процессу даже при неполном знании семантики языковых единиц может быть достигнуто понимание (Караулов 2010: 172). Однако, в отличие от живого диалога, где отбор языковых единиц опирается на партнера по коммуникации, дискурс СМИ ориентируется на массовую аудиторию, в связи с чем, как отмечает Н. Феерклаф, подбирает усредненные, зачастую клишированные, средства выражения и тяготеет к стереотипизации (Fairclough 1989: 49). В этом отношении Т.В. Чернышева приводит пятиступенчатую схему публицистической коммуникации: 1) автор; 2) идеологема, т.е. насыщение объективной информации субъективными авторскими оценками; 3) текст; 4) мифологема, т.е. устойчивые стереотипы сознания читателя; 5) адресат (Чернышева 2003: 36). Исследователь отмечает, что адресат ищет в ПТ не столько объективные данные, сколько родственный ему аксиологический компонент – концептуальную систему. Иными словами, журналист имплицитно манипулирует сознанием читателя с его согласия (Чернышева 2003: 54). Автор ПТ стремится убедить аудиторию в непреложной истинности своего мнения. Именно этой задаче подчинена и лингвистическая организация текста. Парадигма ПТ, по утверждению Н.И. Клушиной, включает в себя идеологему, компонент оценочности, определенные стилистические особенности, а также языковое варьирование

как механизм имплицитного убеждения. По мнению исследователя, ПД является персуазивным, поскольку сочетает в себе убеждение, внушение и манипуляцию (Клушина 2008).

Помимо текста ПД тесно связан с понятием публицистического функционального стиля (далее ПС). Как пишет И.В. Арнольд, функциональные стили представляют собой подсистемы языка, каждая из которых обладает специфическими лексико-синтаксическими и функциональными характеристиками (Арнольд 2002: 169). На непосредственную связь ПС и ПД указывает А.А. Кибрик, который отождествляет ПС и дискурс СМИ (Ленкова 2010: 95). Существуют устная и письменная разновидности ПС. К первой относится ораторская речь, обзоры аналитиков в электронных СМИ, в то время как вторая охватывает газетные и журнальные статьи, эссе, очерки, памфлеты и т.д. (Лапшина 2013: 237-238). ПС объединяет в себе разнообразные жанры: газетные (статья, очерк); телевизионные (аналитическая программа, интервью); ораторские (дебаты, выступления на митинге); коммуникативные (саммит, пресс-конференция); рекламные (рекламное объявление) (Григорьева 2003: 172). ПС характеризуется информативностью и оценочностью, зависящей от интенций и ценностей автора или издания (Клушина 2003: 269). В данной работе ПС понимается как лингвистическая составляющая ПД.

Существует проблема соотношения публицистического и газетного стилей. Некоторые исследователи однозначно выделяют газетный стиль. Например, И.Р. Гальперин разграничивает стиль газетных заголовков, сообщений и объявлений с одной стороны и стиль газетных статей, эссе и ораторской речи с другой. Первая группа, по его мнению, относится к сугубо газетному стилю, отличительной чертой которого является предельная краткость, в то время как вторая группа представляет собой уже публицистику (Гальперин 1958: 392-400). Однако английские лингвисты Д. Кристал и Д. Дейви в книге «Investigating English Style» описывают лишь The Language of Newspaper Reporting (Crystal&Davy 1969: 173). С другой

стороны, М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев пишут, что при выделении газетного стиля характеристики функционального стиля подменяются характеристиками жанра. Кроме того, как полагают авторы, в зависимости от тематики газетные статьи могут существенно различаться по своим стилистическим особенностям (Кузнец, Скребнев 1960: 124). М.Н. Лапшина отмечает, что термин «газетный стиль» неточен, так как в газете сосуществуют разные стили (Лапшина 2013: 254), в том числе публицистический и гезетно-информационный, который, в отличие от публицистического, передает информацию безоценочно, характеризуется сухостью, нейтральностью лексики, использованием языковых, а не речевых образных средств и газетных штампов (там же: 256-257). И.В. Арнольд отмечает, что применительно к газетам, радио и телевидению ряд исследователей пользуется понятием информационного стиля, или стиля массовой коммуникации (Арнольд 2002: 181). В данной работе газетный стиль отдельно не выделяется, и газетные статьи анализируются как ПТ.

В целом, исследователи выделяют следующие функции публицистики: коммуникативная (сообщение информации); познавательная (расширение кругозора); аксиологическая (оценочная); творчески-созидательная (конструирование модели мира); воспитательная (формирование общественного мнения); эстетическая (образное моделирование действительности); побудительная (сопереживание публицистическому материалу) (Самарская, Мартиросьян 2011: 144). Н. Феерклаф отмечает широкое применение воздействующей функции в современных британских СМИ, которая активно действует в интересах правящего класса и выражается в ПТ имплицитно (Fairclough 1989: 51). М.Н. Лапшина отмечает, что основной функцией ПТ является апеллятивная функция (Лапшина 2013: 238). Таким образом, современный ПД характеризуется информативной, оценочной и воздействующей функциями, а также вниманием к социальным, психологическим, этнокультурным и мировоззренческим особенностям той или иной ЛКО.

1.6. Основные лексические и стилистические особенности публицистического текста

Понятие ПТ определяет его как связанный знаковый комплекс, предполагающий взаимодействие автора и массового читателя с целью передачи информации и мнений (Щелкунова 2004: 116). ПТ присущи черты научного и художественного стилей. От первого он заимствует информативность, логичность, использование терминологии. От второго перенимает образность, оценочность и сильное авторское начало. В связи с этим можно говорить о синкретичности ПТ, или нераздельной связи рационально-понятийных и эмоционально-образных средств (Прохоров 2006: 246).

С точки зрения лексики в англоязычных ПТ отмечается большое количество топонимов, антропонимов и эргонимов, а также имен числительных и точных дат (Арнольд 2002: 181). Для передачи конкретных явлений используется абстрактная лексика. Используются глаголы широкой семантики и устойчивые глагольные сочетания: *make contact with, be subjected to, have the effect of* (Арнольд 2002: 184). Д. Кристал и Д. Дейви отмечают широкую распространенность сложных слов и фраз, функционирующих как слово, а также общеупотребительность используемой терминологии (Crystal&Davy 1969: 187). Характерна высокая степень специфических для публицистики клишированных лексических единиц: *pillar of society, escalation of war* (Арнольд 2002: 181), *a far-reaching effect; to be under consideration; to relax tension* (Гальперин 1958: 396). Кроме того, используются идиомы (*joined the ranks of; in the nick of time*) и коллоквиализмы (*won't; weather's; jah, ha-ha...*) (Crystal&Davy 1969: 188). Присутствует ярко выраженная оценочность и в ряде случаев сопряженная с нею помпезность: *historic, epoch-making*, (Арнольд 2002: 182). Д. Кристал и Д. Дейви называют такую лексику *extreme* и *absolute* (Crystal&Davy 1969: 188). Подобная лексическая организация придает даже малозначительному тексту существенную весомость.

Кроме того, англоязычные публицисты зачастую обращаются к прецедентной лексике. Сущность данного феномена разрабатывается у многих отечественных исследователей. В частности, Ю.Н. Караулов пишет о прецедентном тексте, отмечая, что он значим для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеет сверхличностный характер, т.е. широко известен в данной ЛКО, и часто используется носителями языка (Караулов 2010: 216). В.В. Красных различает социумно-прецедентные феномены (известны представителям определенной социальной общности), национально-прецедентные феномены (известны представителям всей ЛКО) и универсально-прецедентные феномены (известны во всем мире) (Красных 2003: 173). В целом можно выделить следующие уровни прецедентных феноменов: 1) прецедентный текст (художественная литература, тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты); 2) прецедентная ситуация (некая «эталонная» ситуация с определенным набором коннотаций, которая раскрывается через прецедентные высказывания и имена); 3) прецедентное высказывание (цитаты из текстов, пословицы); 4) прецедентные имена (индивидуальные имена, имеющие отношение к прецедентному тексту (Онегин, Печорин) или прецедентной ситуации (Иван Сусанин, Куликово поле)) (Багаева, Гудков и др. 1997: 83)

Своеобразие стилистического узуса также отличает публицистику от прочих функциональных стилей. Узус – это нормативное, распространенное и закрепленное в словарях употребление той или иной языковой единицы (Чернышева 2003: 6). Что касается стилистического узуса, т.е. типичного употребления стилистических приемов, то, как отмечает Т.В. Чернышева, он зависит от: 1) типа ПТ; 2) направленности на воздействие и убеждение; 3) императивности, т.е. стремления убедить адресата в безусловной истинности передаваемого сообщения; 4) ориентации на массовость, которая приводит к тому, что ПТ оперирует самыми расхожими и общими понятиями и провоцирует возникновение стереотипных стилистических средств (Чернышева 2003: 6). Исследователи отмечают, что иногда автор ПТ может,

напротив, намеренно отклоняться от шаблонной подачи материала в пользу нестандартного ради усиления перлокутивного эффекта (Ленкова 2010: 97).

Говоря о стилистическом публицистическом узусе, Т.В. Чернышева приводит следующие его основные характеристики: 1) неоднородность стилистических приемов, обусловленная многообразием жанров современной публицистики. Так, Т.Г. Добросклонская выделяет четыре главных типа ПТ: собственно новости, информационно-аналитические тексты, тексты группы features (включают в себя обширные по тематике развлекательные материалы) и реклама (Добросклонская 2005: 10); 2) многочисленность стилистически окрашенных средств. Помимо общеупотребительной литературной лексики широко используются просторечия, а в некоторых случаях даже грубые просторечия и обценная лексика; 3) распространенность эмоционально окрашенных единиц; 4) экспрессивность как отражение автора; 5) единство экспрессии и стандарта (Чернышева 2003: 12-18).

Отдельно стоит заострить внимание на использовании метафор, поскольку данный троп часто встречается в англоязычной публицистике для достижения образности и выразительности. Как отмечает В.А. Маслова, метафоры встречаются во всех языках мира, а многие лингвисты называют язык кладбищем метафор (Маслова 2001: 88). Е.В. Иванова описывает три подхода к понятию метафоры. Традиционное понимание метафоры восходит к Аристотелю и заключается в наименовании сущности именем другой сущности. Иными словами, метафора представляет собой скрытое сравнение двух внешне не связанных явлений. Например, человек и лиса на первый взгляд никак не соотносятся друг с другом, однако при анализе их возможного поведения обнаруживается присущая и тому, и другому хитрость. Так появляется метафора *cunning as a fox* (Иванова 2011: 61). Существует четыре типа универсальных метафор: 1) антропоморфная, при которой человек сравнивает мир с самим собой (*the foot of the mountain, the face of a cube*); 2) зооморфная, т.е. сравнение с животными (*cow, bear* в

отношении человека); 3) перенос от конкретного к абстрактному (*to hammer – to hit someone with a hammer u to defeat somebody very easily*); 4) синестезия, или выражение информации, полученной одними органами чувств, с помощью других органов чувств (*soft voice*) (Иванова 2011: 61-62). Иная теория, интеракционистская, или динамическая, была разработана А. Ричардсом и впоследствии продолжена М. Блэком. Согласно данному подходу, метафора состоит из основного и вспомогательного субъекта и предполагает перенос стереотипных представлений о вспомогательном субъекте на основной. Например, в метафоре *Man is a wolf* происходит перенос стереотипных представлений о волке, вспомогательном субъекте, на человека, основной субъект. При этом для успешного функционирования метафоры необходимо знать существующие в данной культуре стереотипы о волке (Иванова 2011: 63). Третий подход, или концептуальная теория метафоры, был разработан Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Идея исследователей состоит в том, что метафора является фактом как языка, так и мышления. Например, в англоязычной культуре спор уподобляется войне. Соответственно возникают такие метафоры как *he attacked every weak point in my argument*. Происходит пересечение двух концептуальных сфер, поэтому метафора в данном подходе носит название концептуальной.

Метафоры также делятся на языковые (узуальные, конвенциональные), т.е. закрепленные в языке, и речевые, т.е. индивидуально авторские. Как отмечает М.Н. Лапшина, языковые метафоры также называют «мертвыми», поскольку их образность частично или полностью стирается. Речевые метафоры, напротив, имеют ярко выраженный индивидуальный характер (Лапшина 2013: 30-31). В связи с массовой направленностью публицистических текстов в них гораздо чаще встречаются метафоры первой группы.

Весьма распространенной в англоязычной публицистике является ирония, т.е. резкий контраст между эксплицитно выраженным позитивным сообщением и имплицитно заложенным в нем негативным подтекстом. Как

отмечает И.Р. Гальперин, ирония подразумевает взаимодействие предметно-логического и контекстуального лексического значения (Гальперин 1958: 133). Следует различать иронию и юмор. В то время как юмор преследует цель добродушного смеха, ирония скрыто выражает отрицательные эмоции: жалость, разочарование, раздражение, презрение и т.д. (там же: 134). М.Н. Лапшина называет иронию «скрытой насмешкой» и отмечает, что для адекватного восприятия данного стилистического приема необходимо знание контекста ситуации и наличие фоновых знаний (Лапшина 2013: 60-61).

Синтаксические стилистические приемы, используемые в публицистике, включают в себя риторические восклицания и риторические вопросы, градацию, инверсию, парцелляцию, сегментированные конструкции, синтаксический параллелизм и эллиптические конструкции (Какорина 1992: 18).

В дополнение к вышеуказанному Д. Кристал и Д. Дейви отмечают характерные особенности пунктуации и графических средств выразительности в ПТ. Для привлечения внимания газетные статьи используют разнообразные шрифты, жирное или курсивное начертание и подчеркивание. Для достижения плавности при чтении в тексте могут опускаться запятые, например, после обстоятельств, стоящих в начале предложения, или в цепочке прилагательных. С другой стороны, часто используются кавычки как для цитирования, так и для эмфатического выделения определенных лексических единиц (Crystal&Davy 1969: 174-179).

В заключение стоит отметить, что репрезентация образа России в англоязычных СМИ тесно связана с наполнением ПТ культуроспецифичной информацией. В этом отношении Т.Г. Добросклонская отмечает, что крупные новостные службы, такие как BBC World и CNN, используют преимущественно единицы денотативного уровня, или характерные для описываемой культуры реалии. С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как объекты, характерные для жизни, быта, культуры, а также социального и

исторического развития ЛКО, которые несут в себе национальный и/или исторический колорит (цит. по Ретунская 1996: 155). Возможность адекватно воспринимать культуроспецифичную информацию непосредственно связана с фоновыми знаниями адресата. В.С. Виноградов использует в этом отношении термин «фоновая информация», или «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности» (цит. по Ретунская 1996: 155).

Таким образом, ПТ характеризуется большим разнообразием лингвистических особенностей, которые помогают дополнять объективную информацию эмоциональностью и авторской оценкой с целью успешного воздействия на массового читателя.

1.7. Коннотативное значение и его роль в создании прагматических смыслов высказывания и текста

Немаловажными для создания и поддержания образа России являются также коннотативные значения слов (далее КЗ) и аксиологический аспект лексики, используемой в англоязычных публицистических материалах о России. Среди исследователей нет единого понимания КЗ. Ряд ученых определяет его как полноценный элемент лексического значения слова наряду с денотативным и сигнификативным значениями, в частности, Л.Г. Зернова. Другие, например, Ю.Д. Апресян, считают, что коннотации «не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» (цит. по Тимченко 2003: 41). Как отмечает В.Н. Телия, термин «коннотация» означает «все эмотивно окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи» (Телия 1990: 236). Преобладающим является мнение о том, что КЗ выступает как созначение или добавочное значение. КЗ исследуется в русле таких наук, как лингвистика, психолингвистика и семиотика.

Особое внимание стоит обратить на феномен культурной коннотации. В.Н. Телия определяет культурную коннотацию как переосмысление денотативного значения с точки зрения культуры (Телия 1996: 214). Культурная коннотация тесно связана с прагматикой в том смысле, что передает представления о действительности, традиции и ценности, характерные для данного ЛКО. Культурную коннотацию также называют культурно-исторической, социально-культурной или национально-культурной. В русском языке культурной коннотацией обладает, к примеру, слово «матрешка», поскольку неизменно вызывает ассоциации с Россией. Культурная коннотация слова тесно связана с исторической эпохой. Слова «лапти», «тройка», «колхоз» ассоциируются с различными периодами в истории нашей страны. Что касается английского языка, то здесь носителями культурной коннотации будут, к примеру, слова *hedge*, *lawn* и *tea* (Иванова 2011: 32).

В КЗ слова выделяют оценочный, эмотивный, функционально-стилистический и экспрессивный компоненты. В.Н. Телия отмечает, что коннотация – это «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера» (Телия 1990: 236). Оценка представляет собой мнение субъекта о ценности того или иного объекта для себя (Иванова 2011: 26) и основана на закрепленных в обществе и сознании конкретного человека системах нравственных, этических и эстетических критериев (Ретунская 1996: 8). Оценки отличаются субъективностью, релятивностью и нестабильностью. Иными словами, они могут соответствовать или не соответствовать объективным законам развития общества, не в полной мере отражают знания об оцениваемом объекте и могут изменяться под влиянием различных факторов. Однако, закрепившись в словаре, оценка становится стабильной (там же). Оценка может быть положительной, отрицательной и нейтральной. Также выделяют рациональные (интеллектуально-логические), эмоциональные (эмотивные) и эмоционально-интеллектуальные оценки

(Ретунская 1996: 9). Рациональная оценка входит в денотативное значение слова и отражает объективно присущие слову характеристики (*good, bad, kind, firm*) (там же). Стоит отметить, что существует точка зрения, разделяемая Д.Н. Шмелевым, Е.Ф. Патрищевой и В.И. Шаховским, согласно которой оценка всегда входит в денотативное, а не коннотативное значение слова (Ретунская 1996: 18). Эмоциональная (эмотивная) оценка, как следует из названия, соотносится не с объективными представлениями о референте, а с субъективными, положительными или отрицательными, эмоциями говорящего. Например, слова *stupid (foolish, silly), dumb, thick* и *boneheaded* объединены общим денотативным компонентом «глупость», однако негативное отношение к этому качеству заложено не в денотативном, а в коннотативном значении слов (Иванова 2011: 27-28). Эмоционально-интеллектуальная оценка объединяет в себе рационально-оценочные суждения и эмоции говорящего (Ретунская 1996: 9). В некоторых случаях оценка отрывается от описательных характеристик объекта. Слова с положительной оценкой становятся ласкательными, а с отрицательной – ругательными терминами. Так, слова *pet* и *pedal* выражают нежное отношение к женщине или ребенку, а слово *bird*, напротив, показывает пренебрежительное отношение к женщине (Иванова 2011: 28).

Эмотивность дополняет оценочность и может как присутствовать в ней (эмотивно-интеллектуальная оценка), так и отсутствовать (рациональная оценка) (Ретунская 1996: 9). Положительные и отрицательные эмоции сопряжены с оценкой, однако не являются производными от нее, поскольку это психические сущности разного свойства (там же). С эмоциями связаны 1) слова, рационально называющие эмоции (*love, hatred*); 2) слова, описывающие эмоции (*furiously, to shriek*); 3) слова, выражающие эмоции (междометие *oh!*, слова с закрепленным эмотивным компонентом значения *gorgeous, fabulous*) (Иванова 2011: 28-29). Как отмечает И.В. Арнольд, эмотивное значение может доминировать над предметно-логическим (*perfectly, awfully*), но в основном они сосуществуют, выражая оценку

конкретного говорящего или общества в целом (*nice, pleasant, silly*) (Арнольд 1959: 92-93).

Функционально-стилистический компонент коннотации подразумевает сферу использования слова. Существует нейтральная лексика, книжная, разговорная, профессиональная и т.д. Например, слово *beauty* относится к нейтральному стилю, а слово *vision (a person of great beauty)* – к книжному. Слово *pound* (фунт) используется нейтрально, а его синоним *quid* относится к разговорному стилю (Иванова 2011: 30-31).

Экспрессивность, однозначно признаваемая как важный компонент коннотации, не имеет точного определения. В.В. Виноградов объединяет экспрессивность и эмотивность. О.С. Ахманова называет эмоционально-экспрессивную окраску «сверхсемантической характеристикой слова» (цит. по Ретунская 1996: 13). В лингвистике сложилось несколько подходов к экспрессивности: 1) экспрессивность – это речевая характеристика, а эмотивность – языковая (Г. Гийом, А.В. Филиппов); 2) экспрессивность и эмотивность взаимосвязаны и взаимозависимы (В.А. Звегинцев, Е.М. Вольф); 3) экспрессивность шире эмотивности (Е.М. Галкина-Федорук, В.Н. Гридин, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия) (там же). М.С. Ретунская отмечает, что английская лексика содержит экспрессивные, т.е. выразительные, слова как лишенные эмотивности (*to rush, to roar*), так и обладающие ею (*stinker, scoundrel*), а следовательно, экспрессивность шире эмоциональности (Ретунская 1996: 14). Иными словами, экспрессивность придает оценке и эмоциям выразительность и образность. При таком подходе М.С. Ретунская соотносит оценку, эмотивность и функционально-стилистический компонент с экспрессивностью как части с целым. Если же рассматривать экспрессивность как выразительность языкового знака, то она выступает как вторичный элемент по отношению к оценке, эмотивности и функционально-стилистическому компоненту коннотации (Иванова 2011: 31). В данной работе используется узкое понимание экспрессивности.

Ю.Д. Апресян отмечает прагматическую роль коннотации и приводит такой пример различия в прагматике слов: слово «инициатор» является нейтральным, «зачинщик» имеет отрицательную оценку, а «застрельщик» – положительную (Апресян 1995: 136). Прагматика, как пишет исследователь, отражает отношение адресанта к предмету, о котором идет речь, к содержанию языкового сообщения и к партнеру по коммуникации. По утверждению Ю.Д. Апресяна, коннотации слова, в частности, оценка, входят в прагматику данного слова (там же).

М.В. Никитин подразделяет лексическое значение слова на интенционал (содержательное ядро) и импликационал (семантические признаки, окружающие ядро). Если интенционал представляет собой обязательный набор признаков, то импликационал содержит признаки периферийные. Иные определения импликационала: лексический фон слова (В.Г. Костомаров), ассоциативная область значения (Д.Н. Шмелев) или коннотация (В.Н. Телия). В каждой конкретной ситуации общения как интенционал, так и импликационал могут выдвигаться на первый план в зависимости от интенций говорящего (Тимченко 2003: 58).

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что коннотация является сложным компонентом семантики слова, который включает в себя несколько значимых аспектов: оценочный, эмотивный, функционально-стилистический и экспрессивный. Коннотация актуализуется в речевой ситуации и тесно связана с мировоззрением и традициями конкретной ЛКО. Различное отношение народов к одному и тому же явлению может существенно сказываться на характере лингвистически выражаемых оценок. Соответственно, коннотации наряду с КМ оказывают обширное воздействие на характер англоязычных публицистических материалов, связанных с Россией.

Выводы по I главе

1) Феномен национального образа разрабатывается в русле имагологии и основан на противопоставлении свой/чужой. Необходимо отличать образ и имидж страны. Образ складывается естественным путем. Имидж намеренно конструируется для достижения определенных целей.

2) Имаготип, или образ государства, обусловлен КМ народа. КМ связана не с объективной реальностью, а с представлениями народа об окружающей действительности. Исследователи выделяют ККМ и ЯКМ с пониманием их как части и целого, поскольку ККМ формируется посредством и языка, и мышления.

3) КМ является крайне устойчивой и зачастую отражает устаревшие знания, поэтому в ней легко закрепляются стереотипы. С точки зрения когнитивистики стереотип представляет собой детерминированный культурой инвариант участка КМ, в котором отражен определенный «типовой» фрагмент действительности. Национальные стереотипы нередко носят негативный характер.

4) В западном образе России негативные стереотипы превалируют над позитивными. К доминантным стереотипам относятся «варвар у ворот» и «ученик». На современном этапе наблюдается укрепление стереотипа «варвар у ворот».

5) Следует различать публицистический дискурс и стиль. Мы понимаем ПС как лингвистическую составляющую ПД и анализируем ПТ как основные единицы ПД. ПД является персуазивным типом дискурса. Публицист стремится убедить читательскую аудиторию в истинности своего мнения. Именно этой задаче подчинена лингвистическая организация текста.

6) К наиболее распространенным средствам создания образа России в англоязычной публицистике можно отнести стилистические приемы, такие

как метафора и ирония, а также насыщение текста реалиями и использование коннотаций.

Глава II. Лингвистические особенности образа России в англоязычном публицистическом дискурсе

2.1. Обоснование выбора материалов для исследования

Глобализация современного мира охватывает все сферы общественной жизни, в том числе информационное пространство. Явление глобализации тесно связано с распространением западного образа жизни, западных традиций и ценностей, а также экспансией английского языка. Известно, что именно английский язык доминирует на международной арене. В связи с этим в начале 1990х гг. социолингвистом Р. Филлипсоном была предложена концепция языкового империализма. Исследователь называет английский язык лингва франка современного международного сообщества (Phillipson 1992: 5) и отмечает, что владение им императивно для любого образованного человека. Распространение языков международного общения (арабского, китайского, английского, французского, русского и испанского) автор называет «завоеванием и оккупацией» (*conquest and occupation*) (Phillipson 1992: 31). Хотя в вышеуказанном перечислении Р. Филлипсон ставит английский язык на третье место, именно он, как пишет исследователь, является олицетворением языкового империализма (Phillipson 1992: 31-32).

Д. Кристалл отмечает, что в повсеместном распространении английского языка сыграли роль исторические, политические и социально-экономические причины. Так, на протяжении долгого времени Великобритания оставалась самой развитой европейской державой, которая вела активную колонизаторскую политику. Английский язык обеспечил коммуникацию между колониями и метрополией и способствовал распространению английской культуры (Crystal 2003: 79-80). Политическое значение английского языка начало укрепляться после Первой мировой войны благодаря созданию международных организаций, использующих английский язык в качестве официального (там же: 86). Экономическое и политическое развитие США и превращение этого государства в сверхдержаву после Второй мировой войны также сыграло немаловажную

роль. Кроме того, как отмечает Д. Кристал, укреплению роли английского языка на современном этапе способствует развитие и популяризация англоязычных СМИ, рекламы, радиовещания, телевидения, кинематографа и музыки. В настоящее время Великобритания и США являются важными игроками на международной арене, которые оказывают существенное воздействие на глобальные события. Политическая и экономическая мощь Великобритании и США, а также их решающая роль в мировом распространении английского языка явились причинами выбора медиа-источников для данного исследования именно из этих англоговорящих стран.

Анализ репрезентации образа России в нашей работе производится на материале интернет-страниц 4 англоязычных источников: британской новостной службы BBC, американской новостной службы CNN, британской газеты *The Guardian* и американской газеты *The New York Times*. Выбор источников производился по критерию популярности, то есть количеству читающей аудитории, на основании рейтингов аналитических агентств comScore и Nielsen/Net Ratings.

BBC (*British Broadcasting Corporation*) – один из крупнейших представителей СМИ Великобритании. Компания была основана в 1922 г., а через десять лет начала вещание на международном уровне. Всемирная служба BBC использует в своей работе 28 языков, а общее число людей, составляющих ее аудиторию, превышает 150 миллионов человек.

CNN (*Cable News Network*) является крупнейшей американской телерадиокомпанией. Она была основана в 1980 г. и в настоящее время является лидером в США по объему аудитории. Компании принадлежат 14 телеканалов, 2 радиостанции, 6 интернет-сайтов и 37 зарубежных бюро.

The Guardian издается в Великобритании с 1821 г. Первоначально название газеты звучало как *The Manchester Guardian*, поскольку издание выходило в городе Манчестер, однако в 1959 г. газета приобрела нынешнее

название. В настоящее время выходит ежедневно на всей территории Великобритании.

The New York Times, основанная в 1851 г., является одной из крупнейших газет США. 112 раз издание выигрывало Пулитцеровскую премию, это абсолютный рекорд среди новостных СМИ. Газета включает в себя три раздела: национальные и международные новости; редакционные и нередкационные статьи и письма в редакцию; развлечения, кулинарный раздел, кроссворд и др. Интернет-версия газеты была создана в 1996 г. и продолжает сохранять лидирующие позиции среди прочих веб-изданий.

Анализ, произведенный на материалах 2015-2016 гг., показывает, что статьи о России появляются в англоязычных СМИ ежедневно и в основном касаются внешней и внутренней политики нашей страны. Методом сплошной выборки было отобрано 100 статей различной тематики, в которых удалось выделить в общей сложности 488 примеров использования лингвистических средств для создания и поддержания образа России. В данной работе анализируется часть собранных примеров.

2.2. Лингвистические уровни репрезентации образа России

Для характеристики современного образа России в англоязычном публицистическом дискурсе необходимо, в первую очередь, определить, к каким именно лингвистическим средствам обращаются западные журналисты в материалах, посвященных нашей стране. Стоит уточнить, что, пользуясь понятием «Запад» и такими словосочетаниями, как, например, «западные публицисты», мы имеем в виду лишь ту часть западного мира и западной публицистики, которая входит в область наших научных интересов, а именно Великобританию и США и четыре СМИ, которые являются в этих странах популярными и, следовательно, соответствуют точкам зрения основной массы читающей аудитории.

Для упорядочения отобранных примеров лингвистических средств воспользуемся классификацией, предложенной Т.Г. Добросклонской.

Согласно данной классификации, лингвистические средства создания образа в медиатекстах распадаются на четыре группы, или уровня: 1) денотативный; 2) коннотативный; 3) ассоциативный; 4) метафорический. Денотативный уровень связан с насыщением текста реалиями, топонимами и прочими культуроспецифичными единицами, относящимися к иной лингвокультуре. Коннотативный уровень выражается в использовании коннотативно окрашенных лексем. Ассоциативный уровень предполагает использование устойчивых единиц, которые вызывают в сознании адресатов ассоциации в отношении другой языковой культуры. Метафорический уровень, согласно автору, содержит в себе метафоры, сравнения, аллюзии (Добросклонская 2005: 203). Стоит отметить, что уровни не являются четко разграниченными. Так, безэквивалентная лексика может попадать и в первую, и в третью группу, а коннотативно окрашенная – во вторую и четвертую, поскольку коннотативно окрашенные лексемы могут быть задействованы при создании стилистического приема. В связи с этим уровни были разграничены. Ассоциативный уровень в рамках данной работы включает в себя не только реалии, но и прочие лексемы, обладающие культурной коннотацией и вызывающие ассоциации у носителей языка, однако данные ассоциации ограничены периодом СССР и холодной войны, так как англоязычные публицисты активно спекулируют данными темами с целью отождествить Россию современную и советскую. Что касается коннотативного уровня, то он включает в себя те примеры использования соответствующей лексики, в которых не создается стилистический прием. Рассмотрим каждый из уровней последовательно.

2.2.1. Денотативный уровень

Данный уровень предполагает выделение лексических единиц, которые выражают культуроспецифичную информацию эксплицитно. При анализе собранного материала было выявлено, что это наименее распространенный прием, который встречается не чаще, чем в каждой четвертой статье. Так, к безэквивалентной лексике, отражающей внутреннее устройство и культуру

нашей страны, относятся лексические единицы *czar, the Kremlin, intelligentsia, nomenklatura, babushka*. Данные реалии не сопровождаются в статьях комментарием, так как являются известными носителям языка. Однако следующие лексемы получают расшифровку, даже хотя только первая из них может вызвать у англоязычных читателей трудность: *elektrichka (one of Moscow's suburban trains)* (CNN; 11.03.17); *banyas (Russian saunas)* (New York Times; 11.03.17); *dezinformatsiya, or Russian disinformation* (New York Times; 11.03.17). Среди экзотизмов также встречаются названия блюд национальной русской кухни и напитков: *borscht, vodka*. В одной из статей обнаруживается следующее эллиптическое предложение: *Stalin, vodka, gopniks, pelmeni, matryoshka, nuclear weapons or Putin – in an article that is not about the president* (Guardian, 11.03.17). Помимо безэквивалентной лексики мы наблюдаем здесь использование прецедентных имен (И.В. Сталин, В.В. Путин), а также лексическую единицу, которую стоит отнести к ассоциативному уровню (*nuclear weapons* – «ядерное оружие»). В следующем предложении статьи автор объясняет причину использования ряда хаотично выбранных однородных членов: *Some writers love to pepper their pieces with random Russian words and references*. Отмеченная автором беспричинность использования российских реалий, как представляется, применима далеко не во всех случаях. В предложении *The event, in which hundreds of modern Moscow's artistic and creative elite dressed as tsarist-era aristocrats, ate black caviar by the spoonful and drank champagne, was the launch party for an ambitious new project designed to bring the events of 1917 to life for modern Russians 100 years later* (Guardian, 13.03.17) сложное слово на основе реалии *tsarist-era* используется неслучайно и вместе с лексической единицей *black caviar* – «черная икра» и выражением *by the spoonful* – «ложкой» создает аллюзию на дореволюционные времена и привносит элемент иронии, поскольку одетые в духе царских времен аристократы, которые едят икру ложкой, принадлежат к современной эпохе и обсуждают мероприятия, посвященные столетию революции 1917 года, положившей конец монархии в России.

Интерес вызывает расшифровка аббревиатуры *FSB* в одном из примеров: *FSB spy agency* (Guardian; 13.03.17). Наблюдается смещение смысловых

акцентов. Если официальное название органа на русском языке звучит как «Федеральная служба безопасности», а на английском - *The Federal Security Service*, то в статье на первый план выходит разведка и шпионаж. Подобный прием имеет прагматическую цель и помогает автору имплицитно выразить мнение о российских методах ведения внешней политики.

Названия российских реалий используются в статьях для словосложения (*Kremlin-friendly*) и аффиксального словообразования (*post-Soviet era* для современного периода развития России; *pro-Russian*, *pro-Kremlin* для описания политики, соответствующей интересам России; *pro-Putin* для характеристики политического курса В. Путина; *post-Putin* в отношении будущего России). Встречается сложный окказионализм с негативной коннотацией *neo-Kremlinology* для обозначения официальной российской риторики в предложении *What is going on? As ever in the opaque world of neo-Kremlinology, nobody quite knows* (*Guardian*; 13.03.17). Суффикс греческого происхождения *-logy*, приносящий значение «наука» или «теория», использован в данном случае по принципу аналогии.

Интересно отметить, что при описании внутреннего устройства России могут быть использованы реалии других культур: *Set' has its headquarters in a converted Moscow gas tower. The office resembles an internet start-up or a PR firm, strewn with bright-coloured bean bags and dotted with young Russians eating sushi or browsing their iPads* (*BBC*; 13.03.17). В этом примере мы обнаруживаем реалии таких культур, как японская (суши) и американская (iPads – электронные устройства компании Apple). Упомянув о газе, который прочно ассоциируется в сознании европейцев с Россией, автор статьи также отмечает, что молодые люди в нашей стране активно перенимают достижения чужих культур.

Проанализировав реалии в собранных публицистических материалах, мы можем сделать вывод о том, что отбор безэквивалентной лексики и словообразование на ее основе служат в англоязычных статьях, посвященных России, не для создания национального колорита, а, скорее, для поддержания статуса инаковости нашего государства и его отличия от Западного мира.

2.2.2. Коннотативный уровень

Отличительной чертой ПС наряду с информативностью и воздействием является сочетание стандарта и экспрессии, которое помогает автору добиться желаемого перлокутивного эффекта. КЗ является неоспоримым средством создания и поддержания западного образа России. В каждой из просмотренных статей обнаружилась коннотативно окрашенная лексика.

Как отмечалось выше, КЗ можно разложить на четыре составляющие: оценка, эмотивность, функционально-стилистический компонент и экспрессивность. В случае западного образа России оценки журналистов во всех четырех анализируемых изданиях негативные, а содержащая их лексика отражает характеристики, приписываемые Западом России. В первую очередь, это враждебное поведение. Здесь обнаруживаются следующие лексемы с негативным оценочным компонентом: *Russian behavior becomes more and more outrageous* (CNN; 16.03.17); *Wednesday's strikes inaugurated a Russian air campaign, not a one-off bombing run – the fruit of an aggressive Russian buildup centred on the airbase in Latakia that has prompted intrigue and concern in the west as to Russia's goals* (Guardian; 16.03.17); *Russia's ramping up of hostile actions reflects not so much a disregard for its international reputation, as some commentators have suggested, as an urgent concern in Moscow at the prospect of impending conflict with the West* (CNN; 16.03.17). Выделенные подчеркиванием прилагательные несут в себе ярко выраженную негативную коннотацию и объединены общей семьей агрессивности. Кроме того, в последнем примере прилагательное *impending* – «неминуемый» (*esp. of something unpleasant about to happen soon*), которое также является коннотативно окрашенным, лишь подчеркивает враждебные настроения России. К враждебности примыкает чувство страха, внушаемое Россией Западным государствам: *The accumulation of recent Russian provocations is daunting* (Guardian; 16.03.17). Другая статья начинается предложением *The situation in Crimea looks ominous* (Guardian; 16.03.17). Подобная короткая текстовая единица, фразовое ударение в которой падает на последнюю лексему с ярко выраженной негативной коннотацией, задает общий тон статьи. По данному

предложению совершенно неясно, о чем именно повествует сам публицистический материал, однако читателю немедленно сообщена оценка, с которой нужно воспринять написанное. Сходным образом создается перлокутивный эффект в предложении *This latter statement was chilling (там же)*. Данное предложение находится приблизительно в середине статьи и выделено в отдельный абзац, что безусловно увеличивает вес заложенной в нем оценки. Таким образом, мы видим, что усилить используемые автором коннотации в ряде случаев помогает композиционная организация текста.

При использовании коннотативно окрашенной лексики в отношении России авторы англоязычных ПТ могут прибегать к гиперболизации выражаемой оценки, что подтверждается следующими примерами: *A devastating and damning report into Russian sport has found that the country's government, security services and sporting authorities colluded to hide widespread doping across "a vast majority" of winter and summer sports (Guardian; 17.03.17); The US Anti-Doping Agency's chief executive Travis Tygart described the corruption found by the report as "mind-blowing" (Guardian; 17.03.17); "It would be naive in the extreme to conclude that activities on the scale discovered could have occurred without the explicit or tacit approval of Russian governmental authorities," the report concludes (Guardian; 17.03.17)*. Выделенные подчеркиванием прилагательные и словосочетание не просто выражают оценку, но гипертрофируют ее. Кроме того, гипербола при оценке может выражаться и превосходной степенью прилагательного: *It has been described as the most boring election of 2016, a parliamentary race set for Sunday that is largely devoid of drama and unlikely to change Vladimir Putin's Russia very much (Guardian; 17.03.17)*.

В ходе исследования обнаружилась отдельная группа коннотативно окрашенных лексем, которые характеризуют отношение российских политиков к международным процессам как совершенно равнодушное. Проанализируем словарные дефиниции подчеркнутых глаголов в следующих примерах: *The Kremlin has brushed off claims made to the Guardian by the head of MI5 that Russia is taking various hostile measures against Britain, which together pose a threat to the country (Guardian; 17.03.17); Almost simultaneously, Putin scrapped a US-Russia agreement to reprocess excess plutonium to prevent its use in nuclear weapons and two other nuclear*

cooperation agreements (Guardian; 17.03.17). Согласно словарю Cambridge Dictionary, фразовый глагол *to brush off* имеет значение «*to refuse to consider what someone says, or to not admit that something may be true or important*», что на русский язык можно перевести как «отмахнуться». Одно из значений глагола *to scrap* гласит: «*to get rid of something that is no longer useful or wanted, often using its parts in new ways*», что соответствует русскому «выбросить за ненадобностью». Используя подобные лексемы, авторы показывают пренебрежительное отношение российских властей к обвинениям в международной агрессии, а также к важному международному договору.

Коннотативно окрашенная лексика может выражать и пренебрежение западного мира к России. Так, автор одной из статей использует следующую цитату Энтони Брентона, посла Великобритании в России с 2004 по 2008 г.: “*We are going to have to moderate our own ambitions. We can defend ourselves. We can protect our interests. But telling other bad countries how they should behave is less and less possible,*” (*Guardian, 17.03.17*). Прилагательное *bad* обладает широкой семантикой и его использование в данном случае позволяет избежать слов с ярко выраженной коннотацией при выражении недовольства. Однако подобный перифраз в отношении России является пренебрежительным.

Что касается эмотивного компонента КЗ, то здесь обнаруживаются примеры называния различных эмоций и чувств, как правило, связанных с президентом России В. Путиным и его администрацией: *For a leadership in the Kremlin smarting from the loss of empire and feeling threatened by Nato's eastward expansion, it is not hard to see how this linguistic neglect might reinforce the sense Russia's interests are not taken seriously in the West (BBC; 18.03.17); When asked about the doping scandal in Russian sport, Mr Putin lambasted the whistleblower Grigory Rodchenkov, who used to head the Russian anti-doping laboratory (BBC; 18.03.17); Mr. Putin's paranoia about independent political actors nurtured a growing fear of business interests outside his oligarchical clique (New York Times; 18.03.17)*. Подчеркнутые лексемы принадлежат к разным частям речи, однако все они выражают сильные эмоции. Кроме того, публицисты активно

используют экспрессивную лексику, которая не называет какие-либо эмоции и чувства человека: *Russian TV may be trumpeting it as "Operation Return" with live coverage of bombers leaving Syria and emotional homecomings for the Russian pilots. But Moscow is not pulling out all its forces (BBC; 18.03.17); Yet Russian airstrikes are pummeling Palmyra, a historic city held by the Islamic State (New York Times; 18.03.17).* Обе глагольные формы не только экспрессивны, но и метафоричны. Созданный по конверсии глагол *to trumpet* можно передать на русский язык аналогичной языковой метафорой «трубить», а глагол *to pummel* имеет значение «бить кулаками». Использование подобной экспрессивной лексики является признаком ПС.

С точки зрения функционально-стилистического компонента КЗ обнаруживается большое число примеров разговорной лексики, использование которой, по нашему мнению, связано с общей интенцией авторов сделать текст статьи максимально понятным и близким читателю. Так, в предложении *Alexei Navalny's investigations of high-level corruption inspire many, but at the same time in a country where institutions and civic society are weak, palm-greasing is seen as a way of solving problems where nothing else works (BBC; 18.03.17)* герундий *palm-greasing* заменяет литературную лексему *bribery*. Разговорная лексика используется в материалах о российском президенте, например, в предложениях *When Vladimir Putin reappears, he does it with style -- and an in-your-face attitude (CNN; 18.03.17)* и *Ukraine crisis: Putin shows who is boss in Crimea (BBC; 18.03.17).* В первом случае используется разговорная фраза в атрибутивной позиции *in-your-face* – «вызывающе агрессивный», а во втором – разговорная идиома *to show who is (who's) boss*.

Разговорная лексика может использоваться вместе с другими приемами. Так, в предложении *That was another aspect of the Soviet past that seemed to actually emerge from the grave: efforts to doctor the president's timetable to confirm that all was hunky-dory (New York Times; 18.03.17)* обнаруживается не только прилагательное из области сленга *hunky-dory* – «тип-топ», но также отсылка к советской эпохе и

устойчивое выражение *to emerge from the grave* – «восстать из могилы». О подобных приемах речь пойдет в следующих разделах.

2.2.3. Ассоциативный уровень

Согласно Т.Г. Добросклонской, ассоциативный уровень представления информации в медиатекстах связан с устойчивыми ассоциациями, которые вызывают у носителей языка реалии иной культуры. Однако при таком подходе разграничение денотативного и ассоциативного уровней становится нечетким, ведь культуроспецифичная информация специфична именно тем, что относится к определенной культуре и, соответственно, ассоциируется с ней. В связи с этим в рамках данной работы мы вносим определенные изменения: 1) ассоциативный уровень включает в себя как реалии, так и другие лексемы, обладающие культурной коннотацией; 2) ассоциации связаны только с СССР и холодной войной. Отождествление современной и советской России является крайне распространенным в англоязычных СМИ. Подобные ассоциации вызывают интерес, так как имеют прагматическую цель и служат достижению перлокутивного эффекта.

Так, в предложении *The planting of false stories is nothing new; the Soviet Union devoted considerable resources to that during the ideological battles of the Cold War* (New York Times; 25.03.17) автор обращается к теме так называемой «информационной войны», которую Россия ведет на Западе, и отождествляет этот процесс с «идеологическими битвами» периода холодной войны. Подобный прием используется достаточно широко вне зависимости от тематики статьи. Будь то материал, посвященный внешней политике, спорту или культуре, современная российская действительность зачастую уподобляется советской: *Soviet sport was all about proving the superiority of a superpower - whatever the cost - and in those days, state-managed drug-enhanced performance was the norm. The Wada report shows that system didn't collapse with the USSR, as one-time athletes became trainers and managers* (BBC; 25.03.17). В данном примере мы наблюдаем параллель между спортом советской эпохи и спортом современной России. Лингвистически параллелизм выражен через лексемы *Soviet, superpower, state-managed* с

одной стороны и *collapse, USSR* с другой. Все отмеченные единицы вызывают в сознании носителей английского языка ассоциации с Советским союзом, а также его распадом.

В статьях обнаруживаются топонимы советского периода: *many streets retain their Soviet names: there are Lenin, Marx, Komsomol (Soviet youth organisation), Red Partisan and Dictatorship of the Proletariat streets across the vast country. Moscow has an October cinema, an October metro station, and a Revolution Square (Guardian; 25.03.17);* а также отсылающие к этой эпохе реалии: *The area is already known for the Gothic Stalinist skyscraper of Moscow State University (New York Times; 25.03.17); Most cities still have a Lenin standing proudly in their main squares (Guardian; 25.03.17).* В статьях о В. Путине часто упоминается реальия советского периода КГБ, при этом аббревиатура не расшифровывается: *A former KGB spy, President Putin's image as a man of action has long been part of his appeal (BBC, 25.03.17); Yeltsin's handpicked successor, former KGB officer Vladimir Putin (BBC; 25.03.17).* Упоминание советской разведывательной службы также рождает в сознании носителей языка негативные ассоциации и служит для создания и поддержания образа тирана, который управляет государством единолично. В примере *Nothing says "Soviet Union" quite like the imposing "Worker and Collective Farm Girl," with its hammer, sickle, forward stride and idealized physiques; or Lenin glowering down on the capital, albeit now staring at a Burger King (New-York Times; 25.03.17)* реалии служат для создания контрастного образа. С одной стороны, Москва показана советским городом, в котором находятся памятник «Рабочий и колхозница» и мавзолей Ленина. С другой стороны, Москва перенимает западную культуру, о чем свидетельствует название американской сети ресторанов быстрого питания *Burger King*.

Англоязычные СМИ активно используют образ Сталина и отсылки к большевизму. Так, в статье о жизни крымских татар находим: *For many [Crimean Tatars], joining Russia brought back memories of Soviet repression (BBC; 25.03.17).* Подобные отсылки нужны для создания параллелей между современной жизнью на Крымском полуострове и тяжелым периодом сталинских

репрессий. Подзаголовок одной из статей звучит как *Pretext for repression* (BBC; 25.03.17). Сюда же относится отрывок предложения *the former Russian oligarch Mikhail Khodorkovsky, who spent 10 years in a Siberian jail...* (Guardian; 25.03.17). Сибирь в сознании европейцев ассоциируется с суровыми условиями жизни, отсутствием цивилизации, репрессиями и ссылками.

Англоязычные публицистические материалы содержат уподобления современной обстановки условиям военного времени вне зависимости от тематики статьи. Рассмотрим два примера: *"Hot food, rest, and medical attention await you in German captivity!" tweeted Kremlin pool journalist Dmitry Smirnov in a post that seemingly compared Klishina to that of the Soviets who collaborated with the Nazis during the World War II* (CNN; 26.03.17) и *If the past 15 years show anything, it is that Putin, like a marauding Red Army tank, has no reverse gear* (Guardian; 26.03.17). В обоих случаях используется прием сравнения. Прыгунья в длину Дарья Клишина, единственная допущенная до олимпиады в Рио-де-Жанейро российская легкоатлетка, сравнивается с коллаборационистами периода Второй мировой войны, а внешняя политика В. Путина метафорически сравнивается с танком Красной армии. Англоязычные публицисты упоминают и другие вооруженные конфликты XX века: *Memories of the Soviet Union's bloody war in Afghanistan are still strong* (BBC; 26.03.17); *Just in case Washington had not understood how serious Russia was, officials also declared Putin was considering reopening military bases in Cuba and Vietnam. It is hard to think of a more defiant, taunting message to the Obama administration than conjuring the spectre of a new Cuban missile crisis* (Guardian; 26.03.17). При этом во всех примерах возможность повторения трагических событий подчеркивается с помощью лексики: *still, reopening, new*. Данные единицы, несмотря на принадлежность к разным частям речи, объединены привязкой к современности.

Говоря о военных действиях, нельзя обойти стороной и частые упоминания холодной войны, которые пронизывают современные публицистические материалы, посвященные России: *Fidel, Russia and rekindled Cold War memories* (BBC; 26.03.17); *As crises mount, relations between the US and Russia are worse than at any time since the cold war* (Guardian; 26.03.17); *Moscow's targeting of the West*

with disinformation dates to a Cold War program the Soviets called “active measures.” (New York Times; 26.03.17). Современная международная обстановка напрямую называется второй холодной войной: *The post-cold war era is over, and a new era has begun. Cold war 2.0, different in character, but potentially as menacing and founded not just on competing interests but competing values* (Guardian; 26.03.17). Номинация состояния на международной арене *Cold war 2.0* происходит по принципу аналогии с названиями версий программного обеспечения, что подчеркивает современность происходящих событий. В примере *The German foreign minister, Frank-Walter Steinmeier, an advocate of dialogue, made the same point: “It’s a fallacy to think that this is like the cold war. The current times are different and more dangerous.”* (Guardian; 26.03.17) также задействованы лингвистические приемы реализации авторской интенции. С одной стороны, мы видим сравнение с использованием союза *like: like the cold war*. С другой стороны, за счет сравнительной степени прилагательного *more dangerous* в цитате подчеркивается, что новые события куда опаснее, чем холодная война. Таким образом, ассоциативный уровень британских и американских медиатекстов служит для поддержания стереотипов о жестокости, агрессии и советском тоталитаризме современной России.

2.2.4. Метафорический уровень

Т.Г. Добросклонская включает в метафорический уровень такие стилистические приемы, как метафора, сравнение и аллюзия. Однако в ПТ встречаются и другие стилистические приемы, которым стоит уделить внимание. Мы сохраняем оригинальное авторское название уровня, но рассматриваем как метафоры, так и другие стилистические приемы, обнаруженные в материалах о России. По нашему мнению, название «Уровень стилистических приемов» было бы более точным и позволило бы рассматривать все их многообразие. Стоит отметить, что стилистические приемы встречаются, как и коннотативно окрашенная лексика, практически в каждой статье. Активное употребление стилистических приемов является отличительным признаком ПС.

В материалах, связанных с Россией, метафора является наиболее распространенным стилистическим приемом. Поскольку публицисты ориентируются на усредненного массового читателя, то задействованные в текстах стилистические приемы зачастую являются клишированными. В связи с этим распространены языковые метафоры. Так, в предложении *Russia will always have some success in trying to sow political divisions among the EU's 28 member states* (BBC; 29.03.17) использован глагол *to sow* – «сеять», переносное значение которого является устоявшимся и избитым. Сходным образом можно объяснить следующие метафоры: *The ruble has crashed, pushing up inflation* (CNN; 29.03.17) и *ruble roller coaster* (CNN; 29.03.17). В первом случае русский язык располагает аналогичной метафорой со стертой образностью: «падение рубля», или «падение курса рубля». Второй пример можно перевести нейтральным выражением «нестабильный курс рубля». Устойчивое значение имеет и герундий *watering down* – «смягчение», «ослабление» в следующем предложении *Donald Tusk, the president of the European council, told the Guardian that there could be no watering down of sanctions on Russia when EU leaders meet in Brussels this week despite pressure from several countries to ease penalties against the Kremlin* (Guardian; 29.03.17). В примере *With all the sabre-rattling by politicians, it is reassuring that there is still no real hostility here at street level* (BBC; 29.03.17) метонимичное значение лексемы *sabre-rattling* – «бряцание оружием» также является устоявшимся и закрепленным в словаре и означает угрозу применения военной силы. Метонимия представляет собой перенос свойств одного предмета на другой на основании их смежности. Описанный выше пример метонимии представляет собой замену действия на инструмент для совершения этого действия. Как отмечает М.Н. Лапшина, это один из видов узуальной, или конвенциональной метонимии, широко распространенной в английском языке (Лапшина 2013: 50).

Метафоры активно используются англоязычными журналистами независимо от тематики публицистического материала, причем в отношении России эти метафоры носят негативный характер. Например, *The cloud of stories*

*helped veil the simple truth that poorly trained insurgents had accidentally downed the plane with a missile supplied by Russia (New York Times; 29.03.17) и Some also clearly revel in a post-Soviet Moscow starting to flex its political muscle (BBC; 29.03.17) – о событиях в мире; from afar, it seemed more a memorial march for the hopes and dreams that lay alongside Mr. Nemtsov's murdered body in the middle of the night on the bridge to Red Square (New York Times; 29.03.17) и Given that Russia sometimes seems to be reverting to the dusty playbook of the Soviet Union, some concerns seemed to feed off old habits (New York Times; 29.03.17) – о событиях внутри России; Fed by a steady diet of government-controlled anti-western media, they feel their country is under attack economically, politically, and militarily (CNN; 29.03.17) – о российских СМИ; Russia's sporting reputation may have been dragged through the mud - over the past year- but its plucky performances in a sport in which it has little tradition have won plaudits (CNN; 29.03.17) – о международных спортивных состязаниях; Recently, the Kremlin has made a concerted effort to wrap the historical mantle of St. Vladimir around Russia to solidify its claim to Crimea and undermine Ukraine's legitimacy as a state (New York Times; 29.03.17) – о российской культуре. В следующем примере используется прием развернутой метафоры, где российская экономика предстает в виде корабля, который тонет, столкнувшись с айсбергами: падением курса рубля, уровня ВВП, процентных ставок и цен на нефть: *Like a rudderless ship running out of fuel and buffeted in an icy storm, the Russian economy looks as if it is heading for a crash. All the graphs – the rouble-dollar rate, the slump in GDP, bank interest rates, oil prices – look like menacing icebergs. The only question seems to be how long the ship can stay afloat* (Guardian; 29.03.17). Метафоры помогают авторам создавать яркую образность и выразительность публицистических материалов и вносят вклад в негативное восприятие России англоязычной аудиторией.*

Еще одним распространенным стилистическим приемом для поддержания образа России является ирония. Англоязычные публицисты в первую очередь иронизируют о военном потенциале и военных действиях нашей страны. Следующий отрывок посвящен военным учениям в Североморске: *The idea of covering a city in smoke and fumes drew ridicule online. Some compared the exercise to the premises of horror films like “The Fog” and “The Mist.” One*

website referred to a popular horror video game, quipping that “the military will turn Severomorsk into ‘Silent Hill.’ ” Another commentator made a tongue-in-cheek allusion to a classic 19th-century Russian satire, Alexander Griboyedov’s “Woe From Wit,” comparing the smoke screen to “the sweet smoke of the fatherland.” (New York Times; 30.03.17) Ирония создается за счет контрадикта *horror* – «ужас» (*horror films* и *horror video game*), использованного наряду с выражением *to draw ridicule* – «быть осмеянным», прилагательным *tongue-in-cheek* – «насмешливый» и существительным *satire* – «сатира», которые объединены общей семой насмешки. Стилистический эффект подкрепляется контрастом прецедентных феноменов: названий американских фильмов ужасов *The Fog*, *The Mist* и *Silent Hill* и цитаты из знаменитой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». С помощью иронии автор подчеркивает, что военные учения России, с одной стороны похожие на полный спецэффектов фильм ужасов, в действительности ничуть не пугают Запад.

Для достижения большего стилистического эффекта прием иронии может быть сопряжен с рифмовкой и аллитерацией, например, *the decline of the West and the rise of the emerging economies of "the rest", including, of course, Russia* (BBC; 30.03.17); *What Russia needs, she [Irina Yarovaya] seems to be asserting, is more patriots and fewer polyglots* (BBC; 30.03.17); *Proficiency in the language of Pushkin and Putin is once again a desirable asset. In the short term, the emphasis will be on Putin rather than Pushkin* (BBC; 30.03.17).

Стоит отметить, что президент России часто становится объектом иронии. Так, в заголовке *Brand Putin: Russia's president still in fashion 15 years on* (BBC; 30.03.17) иронический эффект достигается за счет использования лексем тематического поля «индустрия моды», а в предложении *Having a rough-and-tumble oppositional media system may make it harder for our leaders to put on a show of being “strong” like Mr. Putin, but there’s no question we’re all stronger for it in the end* (New York Times; 30.03.17) ирония создается с помощью контраста разговорного выражения в атрибутивной позиции *rough-and-tumble* – «хаотичный, беспорядочный» и определения *strong* – «сильный», причем негативный

подтекст усиливается кавычками и существительным *show*, которое свидетельствует о показном бахвальстве силой.

Противопоставление России и Запада находит отражение в таком стилистическом приеме, как антитеза, которая в следующем примере представлена противительными союзами: *Claiming to target ISIS, Russia conducted its first airstrikes in Syria, while U.S. officials expressed serious doubts Wednesday about what the true intentions behind the move may be. According to the Russian Defense Ministry, warplanes targeted eight ISIS positions, including arms, transportation, communications and control positions. But U.S. Defense Secretary Ash Carter countered that claim (CNN; 30.03.17).* Автор делает акцент на правильности позиции США за счет того, что последнее предложение начинается с союза и по своей длине значительно уступает предыдущим, тем самым приобретая эмфазу. В стремлении подчеркнуть контраст между Россией и Западом англоязычные публицисты могут прибегать к антонимам: *In early and mid-2014, the Ukraine crisis was seen by Russians largely through the lens of Ukraine's internal dysfunction, but it is now cast exclusively in terms of a larger battle between Russia (good) and the West (evil) (CNN; 30.03.17).* Используемые лексические единицы несут в себе обобщенную семантику и демонстрируют явное противопоставление, причем употребление россиянами прилагательного с негативной оценкой *evil* – «злой» в отношении Западного мира закономерно вызывает у западного читателя отрицательную реакцию. Прием антитезы используется и в описаниях самой России: *Today Moscow's glittering malls and stylish cafes might seem light years away from the gray concrete and paranoia of that era [Cold War] -- a period that stretched from the end of World War II in 1945 to the dissolution of the Soviet Union in 1991 -- but its remnants are everywhere (CNN; 30.03.17).* В данном случае наблюдается контраст между лексемами с положительной коннотацией (*glittering* и *stylish*), которые характеризуют современную Москву, и лексемами с негативной коннотацией (*gray concrete* и *paranoia*), которые описывают период холодной войны. Встроенное в структуру приложение позволяет отделить конечную часть предложения и заострить на ней внимание читателя, тем самым подчеркнув, что со времен холодной войны в России изменилось немного.

Английские публицисты зачастую обращаются к прецедентной лексике, которая служит для создания такого стилистического приема, как аллюзия. И.Р. Гальперин отмечает, что аллюзия представляет собой «ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты» (Гальперин 1958: 176). Например, *Russia passes 'Big Brother' anti-terror laws* (*Guardian*; 31.03.17) или *But, wittingly or not, Mr. Schultz and Mr. King are playing the equestrians to Russia's Trojan horse* (*New York Times*; 31.03.17). В обоих случаях прецедентные феномены являются универсальными и позволяют читателю легко расшифровать аллюзию. Для достижения перлокутивного эффекта авторы задействуют персонаж из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» по прозвищу Большой Брат, который олицетворяет тоталитаризм, а также миф о Троянской войне. Примером аллюзии на национальном уровне служит предложение *Russia finds itself in the last chance saloon as it waits to discover whether it will take part in the Olympic Games in Rio de Janiero next month* (*CNN*, 31.03.17). Название «Последний шанс» было распространено для особого вида таверн в США в XIX веке. Эти таверны располагались на границе территории, где была запрещена продажа алкоголя, чем и обуславливалось их название. В современном английском языке выражение носит метафорический характер и означает ситуацию, после которой шансы на успех мероприятия стремительно исчезают. Одна из статей, посвященных В. Путину, носит название *Putin, lies and his 'little green men'* (*CNN*, 31.03.17). Выражение *little green men* – «маленькие зеленые человечки» используется в массовой культуре и научной фантастике для описания пришельцев или гуманоидов, однако его также применяют в отношении военнослужащих РФ, которые в 2014 г. находились на территории Крымского полуострова в военной форме без знаков различия. В этом случае аллюзия носит иронический характер.

В заключение стоит обратить внимание на синтаксические стилистические приемы, к которым прибегают англоязычные публицисты. Прежде всего, это риторические вопросы. В одной из статей автор использует цепочку вопросов, каждый из которых короче предыдущего, тем самым

наращивая эмоциональность: *Was the withdrawal [of forces from Syria] a sign of Russia's strength or weakness? Was it the tactics of a master politician or a forced retreat? Had Russia run out of targets? Or run out of patience with Assad? Or run out of cash?* (BBC; 31.03.17) В основном риторические вопросы отражают растерянность Западного мира и непонимание, что предпринять в отношении России: *And all this raises a worrying question for the future: What can we expect from a Russia that has been so isolated from the West it has very little left to lose?* (CNN; 31.03.17) Кроме того, в статьях часто используется прием градации и обманутого ожидания. В отрывке *Mr. Putin has achieved many of his main goals: bringing Russia back to center stage as a global power; preventing, on principle, regime change by outside powers, particularly Western ones; gaining a stronger foothold in Syria; picking off Russian jihadists on the Syrian battlefield; and strengthening Mr. Assad* (New-York Times; 31.03.17) используется перечисление, однако достижения президента России показаны по убывающей с точки зрения их коннотации: от возрождения «сверхдержавы» до помощи сирийским джихадистам и президенту Башару Асаду, который на Западе подвергается резкой и однозначной критике.

Итак, в первой части проведенного исследования мы выяснили, какие лингвистические приемы используют англоязычные публицисты для репрезентации образа России. Это безэквивалентная лексика, коннотативно окрашенные лексические единицы, лексемы, вызывающие ассоциации с советским периодом и периодом холодной войны, а также различные стилистические приемы. Проанализировав четыре уровня лингвистических средств, мы можем сделать вывод о том, что все они направлены на создание и поддержание негативного имиджа нашей страны, основанного на стереотипах. Россия изображается агрессивной и варварской страной, которая имеет гораздо больше общего с эпохой СССР, чем с современным этапом демократического развития. Как отмечалось выше, иностранцы обладают крайне поверхностными знаниями о быте и культуре нашей страны, поэтому англоязычные СМИ имеют возможность манипулировать образом России почти беспрепятственно. Выделив лингвистические приемы и сделав первый общий вывод, мы переходим к тематическому анализу

собранного материала, а именно рассмотрению того, какую конкретно характеристику отдельных составляющих современного образа России помогают создать указанные лингвистические приемы.

2.3. Лингвистические особенности тематических компонентов образа России

2.3.1. Политические аспекты образа России

Говоря о тематике англоязычных статей, посвященных России, необходимо, в первую очередь, заострить внимание на политическом аспекте, так как именно он является превалирующим. В этом блоке мы затронем отношения России и стран Запада, ситуацию на Украине и гражданскую войну в Сирии и их лингвистическую репрезентацию в англоязычных СМИ.

2.3.1.1. Взаимоотношения России и стран Запада

Освещая современные взаимоотношения России и стран Запада, англоязычные публицисты стремятся укрепить стереотип о воинственных настроениях нашей страны, прибегая к тематическому полю «война». Так, в примере *Mr Tusk said gas must no longer be used as "a political weapon"* (BBC; 01.04.17) речь идет о российском газе, который Дональд Туск, председатель Европейского совета, называет «политическим оружием». Английская лексема *weapon* – «оружие» входит в тематическое поле «война». В следующем примере воинственность показана языковой метафорой *a war of nerves* – «война нервов»: *The deployment of Russian nuclear-capable missiles in Kaliningrad, the isolated enclave it controls on Poland's and Lithuania's border, is the latest move in a war of nerves along Europe's eastern flank* (Guardian; 01.04.17). Здесь мы можем наблюдать, что упоминания России и Европы разведены в начало и конец предложения, а устойчивая фраза, имеющая в себе само слово *war* – «война», поставлена между ними. Это позволяет автору усилить напряженность и выразить мысль о том, что современное состояние отношений России и Европы балансирует на грани открытого вооруженного конфликта.

Агрессивная настроенность россиян в отношении Запада демонстрируется следующим отрывком: *In focus groups conducted by the Levada*

Center, Russians put it this way: "We bared our teeth"; "We forced them to respect us"; "If they don't love us then at least they fear us." (CNN; 01.04.17). Для достижения перлокутивного эффекта автор приводит три короткие цитаты. В первой из них наблюдается идиома *to bare teeth* – «показать зубы», что, согласно Фразеологическому словарю русского литературного языка, означает резкую враждебность и нетерпимость. Во второй и третьей цитатах агрессия выражена глаголами *to force* – «принуждать» (агент *we* – «мы» подразумевает Россию) и *to fear* – «бояться» (агент *they* – «они» подразумевает Запад).

США и Великобритания убеждены, что внешняя политика России несет угрозу Западному миру, а журналисты заявляют об этом напрямую через лексему *threat* – «угроза»: *If you ask Western policy makers about the main security threats facing Europe, they come up with two: Jihadists from the so-called Islamic State and President Vladimir Putin's Russia* (BBC; 01.04.17). Мы видим, что автор статьи выражает оценку эксплицитно и ставит знак равенства между террористической организацией и путинской Россией, называя и то, и другое угрозами для Европы. Тем не менее, опасность, якобы исходящая от России, преуменьшается в других статьях: *Throughout his presidency, Barack Obama has viewed Russia largely through the prism of its ailing economy and early on concluded Moscow was essentially a weak adversary trying to compensate for its impotence with shows of military bravado* (Guardian; 01.04.17). Существительное *bravado* – «бравлада», или «показная храбрость», характеризуется яркой негативной оценочностью и используется в примере, чтобы выразить пренебрежительное отношение бывшего президента США Барака Обамы к несостоятельной военной активности России.

Помимо указанного выше англоязычные СМИ эксплицитно выражают идею о том, что Россия ведет на Западе некую пропаганду и активно включают в статьи соответствующую лексику: *The EU and its member states have been concerned for some time about Russian propaganda, and about the fact that the counter-argument coming from the EU often seems to be poorly focused and unconvincing* (BBC; 01.04.17); *In a little over a year, the Russian propaganda machine has turned Ukraine from*

"brother state" to Russia's main enemy (CNN; 01.04.17). В следующем примере герундий *manipulating* – «манипулирование» становится контекстуальным синонимом существительного *propaganda*: *Russia's latest demands for rolling back U.S. and NATO defensive preparations to how they were in 2010 would seem laughable, if it were not for Moscow's recent solid track record in manipulating the West to its advantage* (CNN; 01.04.17). Стоит отметить, что российская пропаганда, согласно англоязычным СМИ, ведется как в западных странах, так и в самой России: *After all, a significant number of people, fed by domestic propaganda, still believe the Ukrainian air force shot down Malaysian Airlines Flight 17 over Ukraine* (CNN; 01.04.17). В данном примере автор обращается к одному из значений прилагательного *domestic* – «внутригосударственный» и использует данную лексему в языковой метафоре, показывая, что пропаганда насаждается россиянам со стороны правительства.

Англоязычные публицисты придерживаются идеи о том, что нашу страну на Западе воспринимают как проблему, которую необходимо решить: *His comments [Boris Johnson's] served to highlight the much bigger strategic, security and diplomatic problem: what to do about Russia* (Guardian; 01.04.17); *The refusal of the current U.S. administration to recognize the problem, extending to attempts to suppress congressional reporting on Russian hostile actions, is an abdication of responsibility for mitigating the long-term consequences of failing to deal with Russia* (CNN; 01.04.17). В первом случае данная идея выражена эксплицитно через денотативное значение существительного *problem*. Во втором случае используется сочетание глагола с предлогом *to deal with* – «решить, разобраться», которое имеет устойчивую лексическую сочетаемость со словами, выражающими сложную задачу или проблему.

Стоит отметить, что действия России на международной арене и курс В. Путина могут быть вплетены в содержание любого материала. К примеру, заголовок статьи о совместном полете русского и американского космонавтов звучит так: *How do you thaw US-Russia relations? Launch them into the frozen depths of space* (Guardian; 01.04.17). Чтобы сделать заголовок более броским, автор прибегает к стилистическим приемам: метафоре *to thaw relations* –

«разморозить отношения» и оксюмору, то есть сочетанию несочетаемого, который выражен через глагол *to thaw* – «разморозить» и прилагательное *frozen* – «замерзший»: парадокс состоит в том, что отношения России и США нужно «разморозить» в «замерзшем» космосе.

Кроме того, англоязычные СМИ выражают неприятие Западным миром сотрудничества России и Востока. Так, в риторическом вопросе *Do most Russians really want to turn their backs on Europe and look East instead?* (BBC; 01.04.17) автор усугубляет негативную оценку за счет усилительного наречия *really* и устойчивого выражения *to turn smb's back on* – «повернуться спиной», которое образно передает пренебрежение и безразличие.

Таким образом, лингвистические приемы активно используются авторами англоязычных ПТ, чтобы закрепить агрессивность и враждебность в качестве доминант современной внешней политики России в отношении стран Запада.

2.3.1.2. Ситуация на Украине

Чтобы проиллюстрировать общие тенденции освещения ситуации на Украине англоязычными СМИ, достаточно привести один пример: *Thursday's move is designed to force Russia to put pressure on the heavily armed pro-Russian rebels occupying parts of Ukraine's eastern Donetsk and Luhansk regions* (BBC; 02.04.17). В этом предложении мы видим три лексемы, несущие в себе коннотацию силы и агрессии: глагол *to force* – «принуждать», устойчивое глагольное сочетание *to put pressure* – «оказывать давление» и причастие *occupying* – «оккупирующие». Определение *heavily armed* – «тяжеловооруженные» также относится к военным действиям, а существительное *rebels* – «мятежники», в отличие от русского эквивалента «ополченцы», наполнено резко негативной оценкой. Кроме того, префиксально образованное прилагательное *pro-Russian* открыто называет виновных в украинском конфликте. Стоит обратить внимание на оценочную асимметрию между русской лексемой «ополченцы» и ее английскими эквивалентами: англоязычные публицисты прибегают к широкому разнообразию синонимов, непременно употребляя их

с отсылками к России: *pro-Russian rebels, Moscow-backed rebels, Russian-backed separatists, pro-Russian forces* и т.д. При этом сторонники Киева получают прямо противоположную оценку: *Last November Ukrainian activists blew up energy pipelines to Crimea, plunging homes into darkness (Guardian, 02.04.17)*. В примере видно, что лица, совершившие подрыв линии электропередач, после которого Крымский полуостров остался без электричества, не осуждаются, ведь слово *activist* не несет в себе отрицательной коннотации.

Таким образом, в англоязычных СМИ Россия предстает агрессором, который незаконно вторгся на территорию Украины с целью дестабилизировать страну и лишить ее возможности ступить на «истинный», демократический путь развития. Данный тезис подтверждается следующими примерами: *Russian intervention in Ukraine (CNN; 02.04.17)*; *Russia's illegal annexation of Crimea and its continuing destabilization of Eastern Ukraine have put the European security system -- and all the rules and agreements that underpin it -- under severe strain (CNN; 02.04.17)*. Подчеркнутые существительные принадлежат к военной лексике и помогают напрямую обвинить Россию в ситуации на Украине.

В представлении англоязычных СМИ Россия ведет на Украине несколько видов не прямой войны. Нам встретились следующие лексемы в атрибутивной позиции: *secret/culture/information/hybrid frozen (war)*. В последнем случае автор обращается к устойчивому понятию *hybrid war* – «гибридная война», однако разбивает его окказиональным включением прилагательного.

Тема украинского конфликта дает публицистам возможность ярко показать контраст демократического Запада и тоталитарной России: *Just as the Putin regime has shown in Ukraine that it will not tolerate a neighbouring country's free choice to join Euro-Atlantic structures underpinned by democratic norms, and would sooner start a war than let that happen, this assassination [of Boris Nemtsov] sends the signal that Russia will become an ever darker, more repressive place (Guardian, 02.04.17)*. Данное предложение распадается на две части. В первой создается положительный образ лояльной Западу Украины (словосочетания *free choice* – «свободный выбор», *democratic norms* – «демократические нормы»), во второй рисуется

контрастный образ мрачной России (*start a war* – «объявить войну», *assassination* – «политическое убийство», *an ever darker, more repressive place* – «все более мрачная и репрессивная страна»). Таким образом, в англоязычных СМИ мы видим резкое осуждение внешней политики России в отношении Украины.

Нельзя обойти стороной и вопрос включения Крыма в состав Российской Федерации. Если в России для обозначения этого события принято использовать слово с положительной оценкой «воссоединение», то в англоязычных СМИ обнаруживается военная лексика: *annexation* – «аннексия»; *intervention* – «интервенция»; *occupation* – «оккупация»; *invasion* – «вторжение»; *takeover* – «государственный переворот»; *seizure* – «захват»; *coup d'etat* – варваризм со значением «государственный переворот»; *to absorb* – «поглотить»; *to take control* – «взять под контроль». При этом ответственность целиком возлагается на президента России, что показано в субъектно-предикатной структуре предложения *President Putin officially annexed Crimea on 18 March 2014 (CNN; 02.04.17)*.

В статьях постоянно подчеркивается, насколько тяжела и бесправна нынешняя жизнь крымчан. Для этих целей используется, в частности, аллюзия *Exodus continues* – «Исход продолжается», которая отсылает читателей к библейскому сюжету об изгнании евреев из Египта. В статьях о Крыме часто упоминается советское прошлое России, чтобы показать присоединение полуострова как шаг назад и откат в его развитии на несколько десятилетий: *There is a growing level of censorship, inequality and political repression of those who don't agree with the government (CNN; 02.04.17)*; *denunciation is back (CNN; 02.04.17)*. Подчеркнутые лексемы вызывают у читателей ассоциации с тоталитаризмом периода СССР. В следующем примере отсылка выражена менее эксплицитно: *There are no soldiers on the streets, and no one stops us as we set up our television camera in the main square, overlooked by its statue of Lenin, or asks us for accreditation (BBC; 02.04.17)*. Уточнение о расположенной на площади статуе Ленина не относится к основному содержанию статьи и никак с ним не

взаимосвязано, однако такая деталь сразу вызывает в сознании англоязычного читателя соответствующие ассоциации и провоцирует укрепление стереотипов о тождественности российского и советского.

В целом, позицию Запада по Крыму можно проиллюстрировать следующим примером: *the annexation marked a complete end to "democratic freedoms" in Crimea, highlighting "tough censorship" and a "humiliating coercion into adopting Russian citizenship"* (BBC; 02.04.17). В очередной раз мы наблюдаем здесь противопоставление «демократических свобод» «цензуре» и «унизительному принуждению».

2.3.1.3. Гражданская война в Сирии

В сходном негативном ключе англоязычные публицисты описывают и позицию России по Сирии. Вовлеченность нашей страны в конфликт также называется интервенцией: *Moscow's intervention in Syria has always been about projecting its own power and influence, as much as anything* (BBC; 05.04.17). При этом официальная российская риторика (борьба с террористическими организациями на территории Сирии) дискредитируется за счет использования графического приема – кавычек: *As things stand, the Russian authorities can argue that they have achieved many of their objectives. These included: Boosting Russian national security by fighting "international terrorism" (the Russian army claims to have killed 2,000 "terrorists" in Syria of Russian descent)* (BBC; 05.04.17).

Подобно украинскому кризису, Россию называют виновной в сирийской войне наряду с президентом Сирии Башаром Асадом: *British permanent representative Matthew Rycroft said Mr Assad's forces and Moscow had "plunged to new depths and unleashed a new hell on Aleppo", which was once Syria's largest city and the country's industrial and commercial hub* (BBC; 05.04.17). Выделенная подчеркиванием цитата представляет собой метафору, которая помогает усилить перлокутивный эффект за счет образности и гиперболизации в стилистически параллельных словосочетаниях *new depths* и *new hell*. Придаточное предложение вводится на основе антитезы. Сейчас в Алеппо царит ад, но до вторжения России и сирийского правительства это был процветающий город.

Для описания взаимоотношений Москвы и сирийского правительства англоязычные публицисты также прибегают к лингвистическим средствам, в частности, антитезе: *Putin has repeatedly cast Assad as part of the solution rather than part of the problem in Syria (Guardian; 05.05.17)*. В примере мы видим параллельное построение словосочетаний, которые содержат в себе лексемы с противоположным смысловым наполнением: *problem* – «проблема» и *solution* – «решение». Англоязычные публицисты подчеркивают, что Россия оказывает Б. Асаду финансовую поддержку. Для выражения этой мысли в ряде примеров используется лексема *backer* – «попечитель» (*Assad's main backer (Guardian; 05.04.17)*), а также языковая метафора *to float cash* – «вливать деньги» (*floating cash to the Syrian government (New York Times; 05.04.17)*).

Позиция России по Сирии вызывает в англоязычных СМИ озабоченность и осуждение: *Theresa May also condemned Assad and his Russian and Iranian supporters last night (Guardian; 05.04.17)*; *Philip Hammond, the British foreign secretary, warned Russia that its military intervention could mean Moscow shares criminal responsibility for the regime's use of barrel bombs against its own people (Guardian; 05.04.17)*; *The UK defence secretary, Michael Fallon, who spoke at a press conference in London with his US counterpart, Ash Carter, was unequivocal in pinning the blame for the crisis on Putin (Guardian; 05.04.17)*. В первых двух примерах позиция выражена эксплицитно через денотативное значение глаголов, в третьем примере используется устойчивое выражение *to pin the blame* – «возложить вину». При этом мы видим, что во всех трех примерах авторы ссылаются на высокопоставленных политических деятелей. В описании позиций Запада и России по Сирии также представлена антитеза: *Russia is a close ally of al-Assad and may want to bolster him, while the United States has repeatedly called for him to go in order to resolve the five-year civil war (CNN; 05.04.17)*. В данном примере контраст создается за счет противительного союза, причем положительную оценку имеют действия США во второй части предложения, а именно призыв к урегулированию конфликта.

При характеристике действий России в Сирии к тематическому полю «война» добавляется тематическое поле «игра»: *Russia and the US have returned to diplomatic stalemate on Syria (CNN; 05.04.17)* и *The Russian gambit (Guardian; 05.04.17)*. В обоих случаях задействуется шахматная лексика: *stalemate* – «пат» и *gambit* – «гамбит». Шахматы представляют собой логическую и стратегическую игру, с которой часто ассоциируют военные действия. Кроме того, к тематическому полю «игра» относятся подчеркнутые словосочетания в следующих примерах: *For the Russians it is also an attempt to limit Iran's influence in Syria and send a message to the world that they are still a player in the region (BBC; 05.04.17)*; *This leaves both the US and Russia in awkward positions. Neither can truly and definitively "win" the conflict alone, but they also cannot seem to find a way to cooperate (CNN; 05.04.17)*; *Russian officials said any groups coordinating with the Qaeda-linked Nusra Front, as many of those groups have done, were fair game (New York Times; 05.04.17)*. Мы видим, что Россия и страны Запада показаны крупными игроками, которые проводят партию на территории страдающего от войны сирийского государства.

Таким образом, в представлении англоязычных СМИ Россия является агрессором, который вторгся как в Украину, так и в Сирию и ведет агрессивную жестокую войну ради собственных интересов, мешая демократическому Западу помочь обоим государствам вернуться к мирной жизни и пойти по пути процветания.

2.3.2. Образ президента России

Существенную роль в Западном образе России играет президент В. Путин. Практически в каждой статье есть отсылки к его политическому курсу. В обнаруженных примерах президент России представлен агрессором. Это подтверждается синтаксическим построением следующих примеров, где президент выступает в качестве активного агента: *President Vladimir V. Putin, who invaded Georgia in 2008...(New York Times; 07.04.17)*; *He annexed Crimea and attempted an even bigger land grab in eastern Ukraine (New York Times; 07.04.17)*. Захватнический

характер внешней политики В. Путина выражен и в предложении *Vladimir Putin may believe time is ripe for another invasion* (Guardian; 07.04.17), где мы видим устойчивое выражение *time is ripe* – «пришло время», а также местоименное прилагательное *another* – «другой, очередной», которое подчеркивает многократность «вторжений» России в другие страны. Заголовок одной из статей звучит как *Russia 'stronger than any aggressor' - Vladimir Putin* (BBC; 07.04.17), причем в нижеследующем тексте эта мысль выражается следующим образом: *Russian President Vladimir Putin says Russia is "stronger than any potential aggressor"*. Для привлечения внимания читателя и создания агрессивного образа России и ее президента автор статьи фактически прибегает к искажению информации, исключая из заголовка прилагательное *potential* – «потенциальный».

Согласно англоязычным СМИ, внешняя политика В. Путина отличается непредсказуемостью. Это подчеркивается за счет частого употребления лексем соответствующего словообразовательного гнезда: *he challenged Europe's borders and showed himself to be a dangerous and unpredictable leader* (BBC; 07.04.17); *The only common factor, apart from the aggression, is his unpredictability* (Guardian; 07.04.17). При этом подчеркивается, что президент России бахвалится военной мощью страны: *he has made a big show of military might: from tank parades across Red Square, to devastating airstrikes in Syria* (BBC; 07.04.17); *[Putin] has been displaying a different form of muscle this week -- the military kind* (CNN; 07.04.17); *There was no fighting here even in 2014, when Putin staged his land grab* (Guardian; 07.04.17). Отглагольное существительное *a show* наряду с глаголами *to display* и *to stage* объединены общей семой «демонстрировать», что подчеркивает показной характер военных действий России с целью уstrasшить Запад.

В представлении англоязычных СМИ президент России является диктатором, который стремится установить неограниченную власть над своим народом и построить новый СССР. Именно поэтому на страницах зарубежных изданий можно обнаружить сравнения В. Путина с И. Сталиным: *Mr Putin has made it a staple of his rule to launch nationwide hate campaigns against those deemed "traitors" in a way reminiscent of the Stalinist era* (Guardian; 07.04.17). В

предложении мрачный образ 1930-1940-х годов создается за счет слов одного семантического поля: *hate campaigns* – «кампании ненависти», *traitors* – «предатели», *the Stalinist era* – «сталинская эпоха». Все это упрочивает расхожие стереотипы в сознании англоязычных читателей. В примере *Putin's personal approval rating has risen to 82%, underlining just how much the Kremlin has cemented its power since 2011 (Guardian; 07.04.17)* мы наблюдаем конверсив *to cement* – «зацементировать» в его переносном значении, что позволяет создать образ прочно утвердившейся диктатуры.

Единоличная власть В. Путина над Россией лингвистически подчеркивается за счет употребления политического понятия *authoritarianism* и прилагательного *authoritarian*, а также притяжательности: *Sergei Lavrov, Putin's veteran foreign minister... (Guardian; 07.04.17); Donald Trump could become Russia's -- and Putin's -- best friend ... or not (CNN; 07.04.17)*. При характеристике зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи встречается перифраз *Putin's showcase project (Guardian; 07.04.17)*. По мнению автора статьи, В. Путин использовал Олимпийские игры для улучшения имиджа России, несмотря на то что за зрелищной и дорогой организацией игр скрываются нищета и несправедливость населения.

В англоязычных источниках президент России показан суровым и жестоким: *The future of Crimea was determined by the people who live on this land," the president replied on the quayside, stony-faced and unequivocal (BBC; 07.04.17); She [Hillary Clinton] says she sees in him a cold-blooded, self-enriching KGB agent and a bully (Guardian; 07.04.17); But there seemed to be a certain reluctance to admit that Russia's leader, who cultivates a macho image of ruddy good health (New York Times; 07.04.17)*. В данных примерах личность В. Путина раскрывается через эпитеты (*stony-faced* – «с непроницаемым лицом», *unequivocal* – «бескомпромиссный», *cold-blooded* – «хладнокровный», *self-enriching* – «стремящийся к собственному обогащению»), лексему с негативной коннотацией *a bully* – «хам, агрессор», реалию советского периода КГБ, которая вызывает в сознании англоязычных читателей ассоциации с жестоким тоталитарным режимом СССР, а также

испанское заимствование *macho* – «мачо», в котором заложена семантика агрессивной мужественности.

Англоязычные СМИ активно поддерживают российскую оппозицию, которая, по их мнению, стремится направить тоталитарную Россию на демократический путь развития и потому вызывает ненависть у президента: *Slowly but surely, however, Putin began to squeeze out opposing civic forces* (Guardian; 07.04.17). В данном примере мы видим метафору *to squeeze out opposing civic forces* – «выдавливать оппозиционные гражданские силы», которая помогает более образно и экспрессивно представить процесс уничтожения оппозиции, препятствующей единоличной власти В. Путина.

Весной 2015 г. все четыре анализируемых источника активно освещали убийство Бориса Немцова. Для характеристики оппозиционного политика используются многочисленные положительные эпитеты: *charismatic* – «харизматичный», *indefatigable* – «неутомимый»; *tall, handsome, witty and irreverent* – «высокий, красивый, остроумный и бунтарский»; *he spoke out strongly and vehemently* – «он высказывался резко и страстно» и наконец *The Brilliant Boris Nemtsov* – «великолепный Борис Немцов». Образ Б. Немцова в англоязычных СМИ крайне положителен благодаря близости его курса западному: *In 2008, together with Garry Kasparov, the chess champion turned Putin foe, Nemtsov launched Solidarity, a progressive, democratic political party* (Guardian; 07.04.17); *But why would Washington want to destroy someone who was championing democracy and who is friendly to the United States?* (CNN; 07.04.17) В обоих случаях основное внимание сосредоточено на понятии демократии, а в первом примере мы видим, что прилагательные *progressive* – «прогрессивный» и *democratic* – «демократический» используются как контекстуальные синонимы.

Англоязычные СМИ не верят в справедливое расследование убийства Б. Немцова и напрямую обвиняют в случившемся государственный аппарат и лично президента. Лексическое наполнение предложения *Now, with Nemtsov's killing, Russian officials and Kremlin-friendly media have whipped up a sandstorm of theories* (CNN; 07.04.17) создает чувство презрения в связи с использованием

негативной метафоры *to whip up a sandstorm of theories* – «раздуть песчаную бурю теорий» и образно выражает невозможность узнать правду.

Таким образом, президент России В. Путин показан жестоким диктатором, который ведет агрессивную внешнюю и внутреннюю политику и борется с оппозицией, воспринимаемой в англоговорящих странах как антипод существующему режиму.

2.3.3. Характеристика российских СМИ в англоязычной публицистике

Еще одной важной составляющей образа России в англоязычных публицистических источниках является характеристика их российских коллег. В первую очередь стоит отметить, что упоминания российских СМИ неизменно даются в сопровождении определений, таких как *state-run*, *state-controlled* или *state-owned*, чтобы подчеркнуть подконтрольность российской медиасферы правительству. Для обозначения российских СМИ используются и стилистические приемы, например, метафора *government mouthpiece* – «рупор правительства».

Западный образ российских СМИ вносит существенный вклад в укрепление негативных стереотипов о консерватизме, повсеместной цензуре, отсутствии свободы слова и демократических прав в России. В предложении *Fifteen years later, the result is a monochrome landscape of state-controlled channels that mouth the same anti-Western rhetoric without a word of criticism for the president* (BBC; 08.04.17) российские СМИ обозначены метафорой *a monochrome landscape of state-controlled channels* – «монохромный пейзаж государственных каналов», которая сразу же вызывает в сознании читателя негативные ассоциации и провоцирует стереотипы о временах СССР и повсеместном распространении цензуры. В примере *Writers of Tomorrow need 18m roubles after fruitless search for backers, in a country where television is dominated by news of Vladimir Putin's exploits* (Guardian; 08.04.17) автор прибегает к иронии за счет контрадикта *exploits* – «подвиги».

Согласно англоязычным СМИ, их российские коллеги распространяют ложь и пропаганду. В следующем примере эта мысль выражена с помощью иронии: *But in today's Russia, where state-run media now paints both the US and its European allies as hostile and as danger to Russia, there seems increasingly little room for a fudge* (BBC; 08.04.17). Иронический эффект достигается благодаря концовке предложения, где эксплицитно выражена идея о все меньшем количестве лжи и выдумок в российских СМИ, но имплицитно заложено совершенно обратное.

Описывая репрезентацию западных точек зрения в российских СМИ, публицисты используют яркие контрасты: *discredit EU narratives, erode support for legitimate governments... and undermine the concept of free independent, pluralistic media* (BBC; 08.04.17). Мы видим глаголы, наполненные негативной коннотацией *to erode* – «разрушать» и *to undermine* – «подрывать», которые употреблены с позитивными понятиями *legitimate governments* – «легитимные правительства» и *free independent, pluralistic media* – «свободные и независимые плюралистические СМИ». Таким образом, англоязычные публицисты показывают, что западная риторика дискредитируется в российских СМИ.

Как и в случае с оппозиционным политиком Б. Немцовым, англоязычные СМИ активно поддерживают независимые российские издания. Например, «Новая газета» характеризуется эпитетом *prominent* – «выдающаяся». При этом публицисты подчеркивают бесправное положение российских оппозиционных СМИ. Так, в статье об убийстве журналистки Анны Политковской используется метафора *The murder that killed free media in Russia* (Guardian; 08.04.17). Кроме того, встречаются и устойчивые выражения сходного значения: *The departure of the three editors from the RBC newspaper and news service was widely viewed as the death knell for one of Russia's last independent papers* (New York Times; 08.04.17); *In the decade since Politkovskaya's death, the space for independent journalism in Russia has narrowed further* (Guardian; 08.04.17). Данные примеры показывают, что в отношении оппозиционных изданий англоязычные

журналисты зачастую используют лексику, объединенную семантикой смерти, убийства и гонений.

Англоязычные СМИ дают понять, что Запад готов к информационной войне с Россией: *EU set to fight back in Russia information war* (BBC; 08.04.17). В следующем примере представлено использование военной терминологии в отношении информации: *The weaponization of information is not some project devised by a Kremlin policy expert but is an integral part of Russian military doctrine* (New York Times; 08.04.17). Иными словами, в статьях, посвященных российским СМИ, продолжается лингвистическое поддержание образа врага.

2.3.4. Спортивные события с участием России в англоязычной публицистике

Что касается освещения международных спортивных состязаний с участием России, то здесь, прежде всего, наблюдается тесное переплетение спорта и политики. Так, в примере о российской пловчихе Юлии Ефимовой *The 19-year-old, who claimed a gold medal over Ms Efimova in the 100-metre breaststroke on Monday, incited a reaction reminiscent of the Cold War online, with users roasting the Russian in a series of patriotic and finger-wagging memes. But the heated exchange recalled old divisions marked by the former Iron Curtain, with Americans hailing Ms King as a hero and painting Ms Efimova as a villain* (BBC; 09.04.17) мы видим отсылки к холодной войне, а также бросающуюся в глаза антитезу в лексемах *hero* – «герой» и *villain* – «злодей», которая вписывается в общее противопоставление России и Запада. Спорт уподобляют оружию в борьбе за мировое господство: *[sport] is your nuclear weapon* (Guardian; 09.04.17); *If it [Wada] bans Russia, the IOC will alienate one of the traditional superpowers of the Olympic Games* (CNN; 09.04.17). Лексемы *nuclear weapon* – «ядерное оружие» и *superpower* – «сверхдержава» вновь отсылают нас к холодной войне. Подобно вопросам внешней политики, а также репрезентации российских СМИ, в статьях о спорте англоязычные публицисты также заявляют о военном противостоянии России и Запада: *Sport became the latest battlefield in the "war" between East and West* (BBC; 09.04.17). В примере

видно, что спортивные состязания становятся метафорой для войны между Востоком, куда включена Россия, и Западом.

Нельзя обойти вниманием освещение допингового скандала, произошедшего накануне летних Олимпийских игр 2016 г. Несмотря на то что российские власти выказали готовность содействовать расследованию и бороться с допингом среди российских спортсменов, англоязычные СМИ обрушивают на Россию шквал критики и постоянно подчеркивают, что употребление допинга было одобрено российским правительством. Для этого используются такие словосочетания, как *government-sanctioned doping program*; *state sponsored doping programme*; *state-run doping system*; *state-backed cheating*, причем лексемы *program(me)* и *system* подчеркивают системность и упорядоченность незаконных действий. В следующем примере автор говорит об отстранении российской сборной от Паралимпийских игр и возлагает вину за произошедшее на правительство: *Having brought Russia's doping practices to light, the International Olympic Committee, the International Paralympic Committee and the World Anti-Doping Agency should counter Mr. Putin's lies by making as clear as they can that Russia's athletes, and especially its disabled athletes, have been betrayed by their government, and their government alone* (New York Times; 09.04.17). Предложение является достаточно экспрессивным за счет использованного в конце повтора, который усиливает авторскую оценку. Кроме того, ярко выраженной негативной коннотацией обладает в данном примере и глагольная форма *have been betrayed* – «были преданы».

При этом реакция российских официальных лиц на обвинения показана следующим образом: *"The accusations against Rusada are based on personal testimony," a relaxed-looking Nikita Kamaev told journalists crammed into a room at the agency's headquarters this week. "When you have an athlete who's been disqualified for cheating and their word is worth more than ours - that raises questions," he argued, apparently unfazed by all the secret recordings provided as evidence by those whistleblowers. Mr Kamaev denied that Russian athletes were pre-warned of testing and laughed off claims of involvement by the state security service, the FSB* (BBC; 09.04.17). Подчеркнутые прилагательные и фразовый глагол создают образ ничуть не встревоженного и совершенно равнодушного

человека. Исполнительный директор РУСАДА Никита Камаев предстает в данном отрывке расслабленным (*relaxed-looking*) и безмятежным (*unfazed*) и отшучивается от обвинений (*laughed off claims...*).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что статьи, посвященные спорту, также направлены на поддержание негативного образа нашей страны.

2.3.5. Российская культура в англоязычной публицистике

Культурная составляющая является, пожалуй, единственной положительной чертой современного образа России в англоязычных СМИ. Для описания российской культуры публицисты обращаются к положительным эпитетам. Например, Золотое кольцо характеризуется как *a series of picturesque towns and cities in western Russia known for onion-domed churches and fortresses* (*New York Times*; 15.04.17). Обращает на себя внимание статья, посвященная озеру Байкал (*CNN*; 15.04.17), в которой встречаются многочисленные стилистические приемы. Так, в примерах *Regardless of season and location, the mesmerizing beauty of Baikal draws artists, photographers and intrepid tourists in equal measure* и *With its unique flora and fauna, and fascinating local culture, Siberia's sacred sea is well worth the journey* мы видим положительные эпитеты *mesmerizing* – «забавляющий», *unique* – «уникальный» и *fascinating* – «очаровательный», а в предложении *Vast as a sea and deep as an ocean trench, Russia's Lake Baikal is one of the world's great natural wonders* представлено сравнение, которое подчеркивает огромные размеры озера Байкал. В целом, для описания достопримечательности используется перифраз с позитивным значением *Heart of Siberia* – «Сердце Сибири».

В статье о музее Л.Н. Толстого в Ясной Поляне автор при помощи описания природы создает образ тихого, уединенного места, неподвластного санкциям: *On that wintry afternoon, dozens of visitors flocked to Yasnaya Polyana. There was snow on the ground and gray ice on the pond, and the birch trees caught the afternoon light. The spirit of the novelist's former home "is love," Mr. Tolstoy reflected* (*New York Times*; 15.04.17) (имеется в виду Владимир Толстой, директор музея-усадьбы Ясная Поляна). Благодаря образности отрывка, кажется, что он взят из художественного

текста. Во втором предложении приводится пояснение, что причиной подобного описания является «дух любви», которым проникнут музей-усадьба Л.Н. Толстого.

Тем не менее, политический аспект остается тесно вплетенным в большинство статей о российской культуре. Как и в предыдущих разделах, активно используются контрасты. К примеру, характеристика В. Толстого дана в противопоставлении министру культуры В. Мединскому: *Since being tapped by Mr. Putin in 2012, Mr. Tolstoy, 52, has emerged as the more conciliatory, highbrow and Western-friendly face of Kremlin cultural policy. He works with, but is temperamentally different from, Russia's more combative culture minister, Vladimir Medinsky, who is known for aggressive assertions of Russian superiority and conservative values (там же).* Автор использует параллельные грамматические формы (сравнительные степени прилагательных), чтобы наиболее четко показать противопоставление лексем *conciliatory* – «мирный», *highbrow* – «высокообразованный» с одной стороны и *combative* – «воинственный», *aggressive* – «агрессивный», *conservative* – «консервативный» с другой. При этом положительная характеристика В. Толстого подкрепляется определением *Western-friendly* – «ориентирующийся на Запад», что вписывается в общую тенденцию оценивания России и Запада во всех рассмотренных выше тематических разделах.

Интерес вызывают статьи, посвященные установке памятника князю Владимиру в Москве в 2016 г. Известно, что памятник крестителю Руси есть и в Киеве, более того, это старейшая скульптура в этом городе. Во времена Владимира Великого существовала единая Русь, в которой не выделялись отдельные государства Россия и Украина, в связи с чем обе республики посчитали возможным установку памятника данному историческому лицу. Однако англоязычные публицисты видят в установке московского памятника новую грань неутраченного конфликта между Россией и Украиной: *It is lost on no one that Ukraine's capital, Kiev, already has a 162-year-old, 54-foot-tall monument to St. Vladimir and that Russia's conflict with Ukraine helped inspire Moscow's my-statue-is-bigger-*

than-yours version (*New York Times*; 15.04.17). Данное предложение является экспрессивным за счет использования фразового сложного слова речевого характера в атрибутивной позиции. Экспрессивным является и следующий пример: *Aside from the bloody fight to control territory, the conflict encompasses a fierce contest over identity* (*New York Times*; 15.04.17). Слово *bloody* – «проклятый» несет в себе резкую негативную коннотацию. Англоязычные публицисты описывают свои предположения о причинах установки памятника с помощью очевидно прочитываемого перифраза: *Supporters of the statue generally reject the idea that it is intended to rival the one in Kiev, or that it is being built because a certain other leader named Vladimir is hugely popular right now* (*New York Times*; 15.04.17). Креститель Руси сравнивается с В. Путиным, который не только является тезкой князя Владимира, но и активно поддерживает традиционные ценности, продвигаемые Русской православной церковью.

Российская культура часто изображается как инструмент для достижения политических целей: *This is why, Mr Putin argues, Russians must remain united behind his presidency, and why Russian writers, artists and film-makers should use culture to help reinforce patriotism and loyalty* (*BBC*; 15.04.17). Глагол *to use* – «использовать» передает прикладное назначение российской культуры для укрепления патриотизма и верности правительству. О знаменитом романе Л.Н. Толстого «Война и мир» говорится: *perhaps War and Peace can help us understand why Russians tend to view their nation as always under attack from outsiders* (*BBC*; 15.04.17). В данном предложении культурная составляющая, а именно упоминание прецедентного текста, хорошо известного англоязычной аудитории, перекликается с военной тематикой (выражение *to be under attack* – «быть атакованным»). Таким образом, автор проводит параллель между сюжетом романа, описывающего Отечественную войну 1812 г., и современными настроениями российских граждан.

Англоязычные публицисты заявляют, что в российскую культуру может вернуться советская цензура: *Valery Fokin's comments come after officials' call to resurrect Soviet-style 'arts councils', raising fears about censorship* (*Guardian*; 15.04.17). В

данном примере мы наблюдаем лексемы *Soviet* и *censorship*, однако семантика словосочетания *to call to resurrect* – «призыв возродить» показывает, что официальное возвращение цензуры еще не произошло.

Англоязычные медиа-источники противопоставляют российские патриотические и независимые произведения искусства, поддерживая, как и в случае с оппозиционными политиками и СМИ, вторую группу. Вновь мы видим прием антитезы с использованием противительного союза *while*: *Russia's culture ministry has increasingly supported patriotic films while cracking down on less conservative productions (Guardian; 15.04.17)*. Кроме того, журналисты подчеркивают, что государство оказывает давление на независимых деятелей искусства, если они берутся за политические темы. В следующем примере используется устойчивое словосочетание *to face pressure* – «испытывать давление»: *The independent theatre company Teatr.doc has also faced pressure over political productions (Guardian; 15.04.17)*. Коммуникативной интенцией автора в данном случае является имплицитное сообщение о цензуре в российском театре.

Российский министр культуры В. Мединский показан в одном из примеров следующим образом: *Holding a mobile phone whose case had a picture of Mr. Putin in sunglasses and a camouflage parka above the pop song lyrics "they can't catch us," Mr. Medinsky dismissed criticism that the ministry was effectively stifling free expression by funding only projects that it believes meet family- and religious-values standards or that portray Putin's Russia in a positive light (New York Times; 15.04.17)*. Первая часть предложения помогает создать образ политика за счет обилия деталей: он поддерживает В. Путина, носит камуфляжную куртку (то есть одет как военный, что провоцирует стереотипы о милитаризации государственного аппарата в России), а также слушает популярную музыку. В целом, эта часть предложения нужна для создания иронического эффекта. Чехол для сотового телефона, т.е. предмета личного пользования, с изображением президента противоречит дальнейшим словам В. Мединского о том, что Министерство культуры не стремится изображать В. Путина только в положительном свете.

А название песни *They can't catch us* является метонимией, с помощью которой показано, что не будут раскрыты и действия Министерства культуры.

Примечательны также лингвистические средства в статьях, посвященных фильму «Левиафан» режиссера Андрея Звягинцева. Как известно, данный фильм вызвал положительную реакцию западного сообщества и был номинирован на престижную американскую премию «Оскар» в 2015 г. Подобный успех объясняется открытой оппозиционной позицией режиссера в отношении российской действительности. Фильм «Левиафан», несмотря на критику в России, на Западе был воспринят как долгожданный манифест свободы слова. В англоязычных СМИ находим следующий пример: *Leviathan, the latest film from the distinguished director Andrei Zvyagintsev, has been making waves since it was premiered at the 2014 Cannes Film Festival. It is a bleak but brilliant story of a small man crushed by corrupt bureaucrats and church leaders. Leviathan has not been banned in Russia, although its colourful profanities have been removed (BBC; 15.04.17).* Здесь использованы положительные эпитеты *distinguished* – «выдающийся», *bleak but brilliant* – «мрачный, но восхитительный», *colourful* – «красочный», а также языковая метафора *to make waves* – «волновать», которые создают образ достойной киноленты.

Таким образом, наряду с положительным отображением российских культурных реалий англоязычные СМИ активно прибегают к политическому аспекту и вплетают его в содержание статей, посвященных культуре. Тем самым привносятся отрицательные коннотации, которые свойственны и другим тематическим аспектам образа России.

Выводы по II главе

1) Анализ четырех англоязычных источников из Великобритании и США за 2015-2016 гг. показывает, что российская тематика является популярной. Статьи, посвященные нашему государству, появляются каждый день.

2) Для создания и поддержания образа России публицисты активно прибегают к лингвистическим средствам. В каждой из просмотренных статей

удалось выделить как минимум три типа лингвистических средств. Их широкое использование позволяет составить подробную картину репрезентации нашей страны в медиа-дискурсе Великобритании и США.

3) Лингвистические средства создания образа с опорой на концепцию Т.Г. Добросклонской были разделены на четыре группы, или уровня: 1) денотативный; 2) коннотативный; 3) ассоциативный; 4) метафорический. Анализ каждого из уровней подтверждает, что данная классификация является репрезентативной и показывает различные грани создания и поддержания образа России в англоязычных СМИ. К лингвистическим средствам создания образа нашей страны относятся соответственно 1) безэквивалентная лексика; 2) коннотативно окрашенная лексика; 3) лексические единицы, вызывающие ассоциации с периодом СССР и холодной войной; 4) стилистические приемы, наиболее распространенными из которых являются метафора, ирония и антитеза.

4) Уровни не являются четко разграниченными. Теоретически советские реалии можно рассматривать в русле безэквивалентной лексики. С другой стороны, метафоры и другие стилистические приемы зачастую создаются за счет использования коннотативно окрашенной лексики. Таким образом, как минимум первый и третий, а также второй и четвертый уровни тесно взаимосвязаны. Для исследования уровни были разграничены. В первую группу не включались реалии периода СССР и холодной войны. Они находились в третьей группе. Вторая группа содержала в себе примеры использования коннотативно окрашенных лексем без создания при этом стилистического приема. Анализ показал, что наиболее часто публицисты обращаются к коннотативно окрашенной лексике (в каждой из статей встретился как минимум один пример). Меньше всего распространены реалии денотативного уровня.

5) Было проанализировано функционирование выделенных лингвистических средств в медиатекстах о России. Англоязычные

публицисты используют лингвистические средства создания образа для нескольких целей: 1) подчеркнуть инаковость нашей страны и ее отличие от Западного мира. Для этого используются реалии, коннотации и антитезы. Россия предстает в негативном ключе, а Запад – в позитивном; 2) ассоциативный уровень подачи информации позволяет журналистам провести параллель между Россией современной и советской и фактически их отождествить, показывая, тем самым, что современная Россия – страна не демократическая, а тоталитарная; 3) с помощью всех четырех рассмотренных уровней поддерживаются стереотипы о воинственности, агрессивности и варварстве России. Обращение к данным характеристикам прослеживается во всех рассмотренных тематических группах: внешняя политика, образ президента России, характеристика российских СМИ, спортивные события с участием России и российская культура. Политический аспект часто вплетается в содержание неполитических статей, в частности, посвященных культуре.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что современный образ России в англоязычном публицистическом дискурсе является негативным и основан на стереотипах, а в его создании и укреплении большую роль играют лингвистические средства.

Заключение

Образ России является важным феноменом в современном мире. Анализ национального образа позволяет определить отношение представителей лингвокультуры к тому или иному государству и, как следствие, спрогнозировать возможное поведение при контакте. Национальный образ, или имаготип, включает в себя не эмпирически достоверные факты, а субъективные представления о другой стране. В связи с этим большую роль в создании и поддержании образа России в англоязычных странах играет картина мира. Исследователи выделяют различные КМ, в частности, концептуальную и языковую, которые преимущественно соотносят как целое и часть, поскольку ЯКМ связана с функционированием языка, а в создании ККМ участвуют также мыслительные процессы.

Поскольку КМ является крайне устойчивой и малоподвижной, в ней находят отражение устаревшие представления о мире или даже предрассудки. Это ведет к закреплению стереотипов, которые можно охарактеризовать как «типовой» фрагмент действительности в сознании человека. Хотя стереотипы помогают при первичной социализации индивида в незнакомой ему среде, они являются обобщенными и упрощенными представлениями о другой лингвокультуре. Национальные стереотипы в отношении России на Западе являются преимущественно негативными, что обусловлено характером исторических взаимосвязей, развитием европейской «русофобии», а также современными процессами на международной арене. Россия может восприниматься как «варвар у ворот» или «ученик». Активизация данных стереотипов напрямую зависит от близости политического курса России политическому курсу Западных стран. В настоящее время активно поддерживается стереотип о «варварстве», что находит отражение в публицистическом дискурсе.

В данной работе ПД понимается как особая разновидность дискурса, т.е. функционально организованных в контексте языковых единиц. Анализу подвергаются публицистические тексты как непосредственные единицы ПД.

При этом публицистический функциональный стиль понимается как лингвистическая составляющая ПД, обладающего как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими признаками.

В ходе работы анализируются четыре англоязычных источника, в которых выделяются примеры использования различных лингвистических средств репрезентации образа России. Для анализа собранных примеров вводятся две классификации. В первой делается упор на характер лингвистических средств создания образа. В этом отношении примеры делятся на четыре группы сообразно типу лингвистического средства. С помощью второй классификации анализируется функционирование выделенных в рамках первой классификации лингвистических средств с целью показать, какой конкретно образ России на современном этапе (2015-2016 гг.) они помогают создать. Проведенное исследование показывает, что лингвистические средства помогают англоязычным публицистам поддерживать и тиражировать негативный образ нашей страны, а также укреплять расхожие негативные стереотипы о России, что вполне закономерно обусловлено современной международной ситуацией.

Поскольку образ государства в существенной мере зависит от международной политической, экономической, военной и иных ситуаций, то дальнейшие исследования рассмотренного феномена представляются перспективными. Изучение репрезентации образа России в медиа-дискурсе в диахроническом плане позволит прогнозировать будущие положительные или отрицательные реакции Западного мира на определенные действия нашей страны. Кроме того, лингвистическое раскрытие образа России помогает выявить не только приемы, используемые зарубежными журналистами, но и наиболее известные реалии нашей страны, уровень знания иностранцев о быте и культуре России, устойчивые стереотипы. Иными словами, данное исследование является перспективным не только в русле лингвистики, но и в русле межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз, 1959. – 351 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 384 с.
4. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: сб. научных трудов / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279
5. Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: «Филология», 1997. – С. 82-103
6. Базарова Л.В. К вопросу о соотношении языка и культуры // Образование и культура России в изменяющемся мире: материалы Междисциплинарного семинара для молодых ученых и аспирантов / под ред. Г.А. Ферапонтова и др. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 72-76
7. ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса. Пер. с англ. С.Ю. Медведевой // Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 111-161
8. Викторова Л.Г. Диалоговая концепция культуры М.М. Бахтина – В.С. Библера (Электронный ресурс) // Парадигма: Журнал межкультурной коммуникации: электрон. научн. журн. 1992, №1, URL: <http://www.countries.ru/library/rusidea/ribb.htm> (дата обращения: 03.10.2016)

9. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 462 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. Том первый. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 778 с.
11. Герберштейн С. Записки о Московии. Том второй. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 714 с.
12. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. – 288 с.
13. Григорьева О.Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – С. 167–180.
14. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели (Электронный ресурс) // Медиаскоп: электрон. научн. журн. 2006, №2, URL: <http://www.mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 02.10.2016)
15. Деркач А.А. Политическая имиджелогия. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 400 с.
16. Дизеринк Х. Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе. Пер. О. Шавриной // Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 152-153
17. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

18. Загладин Н.В. Имидж России в странах Запада: можно ли его улучшить? // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация: сб. научных трудов / под ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 35-45
19. Земсков В.Б. На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) – М.: Новый хронограф, 2011. – 696 с.
20. Зыкова И.В. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики № 2 / под ред. Н.Н. Болдырева – Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2015. – С. 13-24
21. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
22. Иванова Е.В. О гнездах, коровах и крае земли (о реконструкции языковой картины мира) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика Вып. 1 / под ред. Л.А. Вербицкой. – СПб: изд-во СПбГУ, 2014. – С. 136-143
23. Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (Трансформация семантико-стилистической сочетаемости): автореф. дис. ... канд. филол. наук – М.: Наука, 1992. – 22 с.
24. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
25. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

26. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – С. 269–289.
27. Клушина Н.И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста (Электронный ресурс) // Медиаскоп: электрон. научн. журн. 2008, №1, URL: www.mediascope.ru/node/67 (дата обращения: 03.12.2016)
28. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: сб. научных трудов / под ред. З.К. Тарланова. – Петрозаводск: изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 13-24
29. Коновалова Н.И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика №4(46) / под ред. А.П. Чудинова. – Екатеринбург: изд-во ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013. С. 209-215
30. Коробка П.Л. Идиоматическая фразеология как лингводидактическая проблема: дис. ... канд. филол. наук – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. – 156 с.
31. Костомаров В.Г. Некоторые особенности языка печати как средства массовой коммуникации – М.: АДД, 1989. – 248 с.
32. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
33. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2008. – С. 183-210

34. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. – Ленинград: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. Просвещения РСФСР, 1960. – 175 с.
35. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
36. Лапшина М.Н. Стилистика современного английского языка – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 272 с.
37. Ленкова Т.А. К проблеме публицистического стиля и письменного дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета № 43 / под ред. Д.А. Циринга. – Челябинск: ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», 2010. – С. 94-97.
38. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
39. Лихачев Д.С. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста – М.: Academia, 1997. – 320 с.
40. Масленникова Е.М. Russians как особые типы в англоязычной лингвокультуре // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: материалы межвуз. семинара / под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 62-73
41. Маслова В.А. Лингвокультурология – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
42. Маслова В.А. Homo Lingualis в культуре – М.: Гнозис, 2007. – 318 с.
43. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику – М.: Флинта, Наука, 2011. – 296 с.

44. Митяева А.П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов // Молодой учёный №10 (90) / под ред. Г.Д. Ахметовой. Казань: Издательство Молодой ученый, 2015. – С. 1420-1423
45. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. – М.: МПГУ, 1995. – 150 с.
46. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
47. Пажо Д.-А. Перспектива исследований в сравнительном литературоведении: культурная иконография. Пер. В. Ситниковой // Имагология: теоретико-методологические основы / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – С. 135-145
48. Поляков О.Ю. Имагология: теоретико-методологические основы – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 162 с.
49. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику: Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ. – М.: РИП-Холдинг, 2006. – 202 с.
50. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – 272 с.
51. Самарская Т.Б., Мартиросьян Е.Г. Публицистический текст: сущность, специфика, функции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение №4 / под ред. Р.Д. Хунагова. – Майкоп: изд-во ГОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», 2011. – С. 143-147
52. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

53. Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 236
54. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
55. Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований // Язык. Культура. Общение: сб. научных трудов / под ред. Г.Г. Молчановой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 207-216
56. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация – М.: Интеллект-Центр, 2000. – 624 с.
57. Тимченко Н.М. Лексическая семантика и прагматика современных английских эпистолярно-политических текстов: дис. ... канд. филол. наук – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. – 165 с.
58. Титова Т.Р. Стереотипы образа России и русских в итальянской культуре // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: материалы межвуз. семинара / под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 104-111
59. Тодд Э. После империи. Рах Americana - начало конца. Пер. с фр. Е. Корендясова – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.
60. Ужегова З.А. Образ "новой" России на Западе: по материалам американской и британской прессы: автореф. дис. ... канд. культурол. наук – М.: МГУ, 1999. – 30 с.
61. Флетчер Д. О государстве русском. Пер. с англ. М.А. Оболенского. – М.: Захаров, 2002. – 169 с.

62. Чернышева Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект). – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. – 178 с.
63. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
64. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование. – Воронеж: Родная речь, 2004. – 189 с.
65. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира. // Русский язык за рубежом. Вып. 1-3 / под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: изд-во ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», 1996. – С. 47-56
66. Black M. Linguistic Relativity: The Views of Benjamin Lee Whorf // The Philosophical Review, Vol. 68, No. 2. – Duke University Press, 1959. – 228-238 p.
67. Crystal D. English As A Global Language. – NY: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
68. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. – L.: Longman, 1969. – 265 p.
69. Fairclough N. Language and power. – NY: Longman Inc., 1989. – 259 p.
70. Leerssen J. National Thought in Europe. A Cultural History – Amsterdam: University Press, 2006. – 312 p.
71. Leerssen J. Image // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. by M. Beller and J. Leerssen – Amsterdam – NY: Rodopi, 2007. – 342-345 p.

72. Massie S. Land of the Firebird: The Beauty of Old Russia – NY.: Touchstone/Simon & Schuster, 1982. – 493 p.

73. Pavlovskaya A. Western Stereotypes of Russia: Historical Tradition and Current Situation (Электронный ресурс) // Россия и Запад: диалог культур: электрон. научн. журн. 2012, №4, URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/312-anna-pavlovskaya-qwestern-stereotypes.html> (дата обращения: 23.10.2016)

74. Phillipson R. Linguistic Imperialism. – Oxford University Press, 1992. – 365 p.

75. Yelistratov V. Structural Types of Western Mythologized Perception of Russia (Электронный ресурс) // Россия и Запад: диалог культур: электрон. научн. журн. 2012, №4, URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-03-27/311-vladimir-yelistratov-qstructural-types-q.html> (дата обращения: 23.10.2016)

Список дополнительных электронных ресурсов

1. Русская служба BBC. Опрос: в мире отношение к России хуже, чем когда-либо // Русская служба BBC, 2014, URL:

http://www.bbc.com/russian/russia/2014/06/140603_survey_russia_attitude (дата обращения: 22.10.2016)

2. PewResearchCenter. Opinion of Russia Largely Unfavorable // PewResearchCenter, 2015, URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world/russia-image-08/> (дата обращения: 22.10.2016)

Список источников

1. Allen D. Lake Baikal is Russia's vast and beautiful sacred sea, URL: <http://edition.cnn.com/2016/02/15/travel/russia-lake-baikal/index.html> (дата обращения: 15.04.17)
2. Back in the USSR? Spying and control in the new Crimea, URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/20/opinions/crimea-anniversary/index.html> (дата обращения: 02.04.2017)
3. Baker P. and Herszenhorn D. Putin Breaks Silence With Call to Obama Touching on Ukraine and ISIS, URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/26/world/europe/putin-breaks-silence-with-call-to-obama.html> (дата обращения: 07.03.17)
4. Borg C. Vladimir Putin: 'Russia must protect its athletes', URL: <http://edition.cnn.com/2015/11/11/sport/russia-doping-scandal-thomas-bach-rio-olympics/index.html> (дата обращения: 09.04.17)
5. Bugorkova O. Ukraine conflict: Inside Russia's 'Kremlin troll army', URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-31962644> (дата обращения: 08.04.2017)
6. Castle S. A Russian TV Insider Describes a Modern Propaganda Machine, URL: <http://www.nytimes.com/2015/02/14/world/europe/russian-tv-insider-says-putin-is-running-the-show-in-ukraine.html> (дата обращения: 08.04.2017)
7. Chance M. What does Russia's President Putin really want? URL: <http://edition.cnn.com/2015/02/11/world/chance-putin-analysis/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
8. Chance M. Where does Russia's opposition go from here? URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/05/europe/boris-nemtsov-opposition-fear/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
9. Coomarasamy J. UK struggles with language of Russian diplomacy, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-31856880> (дата обращения: 18.03.17)

10. Donadio R. In Putin's Nationalist Russia, a Tolstoy as Cultural Diplomat , URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/21/books/in-putins-nationalist-russia-a-tolstoy-as-cultural-diplomat.html> (дата обращения: 15.04.2017)
11. Donadio R. Russian Artists Face a Choice: Censor Themselves, or Else, URL: <http://www.nytimes.com/2015/04/02/arts/international/russian-artists-face-a-choice-censor-themselves-or-else.html> (дата обращения: 15.04.2017)
12. Dougherty J. 5 theories on Nemtsov killing, URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/12/opinions/dougherty-nemtsov-killing-theories/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
13. Dougherty J. Russia's middle class: We don't blame Putin, URL: <http://edition.cnn.com/2015/12/10/europe/russian-middle-class-putin/index.html> (дата обращения: 29.03.17)
14. Dougherty J. Vladimir Putin, and Muscovites, hope Donald Trump will be a friend to Russia, URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/08/politics/putin-moscow-trump-friend-to-russia/index.html> (дата обращения: 07.04.17)
15. Eggert K. Boris Nemtsov murder: What next for Russia's opposition? URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-31697361> (дата обращения: 07.04.2017)
16. Ennis S. Putin opponent Navalny's anti-corruption 'video bomb', URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35044224> (дата обращения: 07.04.17)
17. Gibson O. Russia accused of 'state-sponsored doping' as Wada calls for athletics ban, URL: <https://www.theguardian.com/sport/2015/nov/09/wada-iaaf-russia-dick-pound-banned> (дата обращения: 17.03.17)
18. Giles K. Why Russia has been ramping up hostile action, URL: <http://edition.cnn.com/2016/10/07/opinions/russia-ramping-up-hostile-action-keir-giles/index.html> (дата обращения: 16.03.17)

19. Harding L. Russia robbed of a brave, authentic and distinctive voice , URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/28/russia-robbed-of-a-brave-authentic-and-distinctive-voice> (дата обращения: 07.04.2017)
20. Harding L. Vladimir Putin may believe time is ripe for another invasion, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/10/vladimir-putin-may-believe-time-is-ripe-for-another-invasion> (дата обращения: 13.03.17)
21. Herszenhorn D. Russia Assails Extension of E.U. Sanctions in Ukraine Crisis, URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/23/world/europe/russia-assails-extension-of-eu-sanctions-in-ukraine-crisis.html> (дата обращения 02.04.17)
22. Ingle S. Russia orchestrated state-sponsored doping cover-up, says Wada report, URL: <https://www.theguardian.com/sport/2016/jul/18/wada-report-russia-sochi-winter-olympics> (дата обращения: 17.03.17)
23. Inside the Kremlin's hall of mirrors, URL: <http://www.theguardian.com/news/2015/apr/09/kremlin-hall-of-mirrors-military-information-psychology> (дата обращения: 08.04.2017)
24. Johnson C. Former MI6 chief warns over Russian threat, URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2015/feb/28/mi6-russia-john-sawers-defence-spending-vladimir-putin-europe> (дата обращения: 02.04.2017)
25. Kramer A. Putin Returns After Curious Absence and Shrugs Off Rumors, URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/17/world/europe/vladimir-putin-rumors.html> (дата обращения: 07.04.2017)
26. Kendall B. Cultural struggle to define Russia's identity, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-31584221> (дата обращения: 15.04.2017)
27. Kendall B. How does Russia view the West? URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-33821589> (дата обращения: 01.04.17)
28. Kendall B. The lessons from Russia's latest killing, URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-31691946> (дата обращения: 07.04.2017)

29. Kottasova I. Russia in crisis: Some things matter more than money, URL: <http://money.cnn.com/2016/01/22/news/economy/russia-money-poverty-davos/?iid=EL> (дата обращения: 29.03.17)
30. Kottasova I. Vladimir Putin holds annual marathon press conference, URL: <http://money.cnn.com/2016/12/23/media/putin-russia-press-conference/index.html> (дата обращения: 07.04.17)
31. Kovpak J. Stalin, vodka and nuclear weapons: how not to write about Russia, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/17/stalin-vodka-and-nuclear-weapons-how-not-to-write-about-russia> (дата обращения: 11.03.17)
32. Kramer A. Putin Declares Soldiers' Deaths and Wounds Secret, in War and Peace, <https://www.nytimes.com/2015/05/29/world/europe/putin-russian-soldiers-ukraine.html> (дата обращения: 02.04.17)
33. Krever M. Norway: 'We are faced with a different Russia' , URL: <http://edition.cnn.com/2015/02/25/world/amanpour-norway-ine-eriksen-soreide/index.html> (дата обращения: 01.04.2017)
34. Krever M. Putin aide predicts relations 'renaissance' ... if Russian 'national interests' respected, URL: <http://edition.cnn.com/2015/02/25/world/amanpour-russia-dmitry-peskov/index.html> (дата обращения: 02.04.2017)
35. Lain S. What does Russia actually want in Syria? URL: <http://edition.cnn.com/2016/10/05/opinions/russia-us-stalemate-syria-sarah-lain/index.html> (дата обращения: 05.04.17)
36. Luhn A. Russia passes 'Big Brother' anti-terror laws, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/26/russia-passes-big-brother-anti-terror-laws> (дата обращения: 31.03.17)
37. Luhn A. Russian theatre director says culture ministry vets new plays, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jan/13/russian-theatre-director-says-culture-ministry-vets-new-plays> (дата обращения: 15.04.17)

38. Lyushnevskaya Y. Crimea fears amid joy one year after Russia's annexation, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-31876529> (дата обращения: 02.04.2017)
39. MacAskill E., Wintour P. and Borger J. UK and US ramp up criticism of Russia and Iran over Aleppo crisis, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/15/uk-and-us-ramp-up-criticism-of-russia-and-iran-over-aleppo-crisis> (дата обращения: 05.04.17)
40. MacFarquhar N. A Powerful Russian Weapon: The Spread of False Stories, URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/29/world/europe/russia-sweden-disinformation.html> (дата обращения 11.03.17)
41. MacFarquhar N. Another Huge Statue in Russia? Not Rare, but Hugely Divisive, URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/29/world/europe/another-huge-statue-in-russia-not-rare-but-hugely-divisive.html> (дата обращения: 25.03.17)
42. MacFarquhar N. Putin Has Vanished, but Rumors Are Popping Up Everywhere, URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/14/world/europe/russia-putin-seen-in-public.html> (дата обращения: 07.04.2017)
43. MacFarquhar N. Removal of Top Editors Signals Trouble for Independent Russian Paper, URL: <https://www.nytimes.com/2016/05/14/world/europe/removal-of-top-editors-signals-trouble-for-independent-russian-paper.html> (дата обращения: 08.04.17)
44. MacFarquhar N. Russian History Receives a Makeover That Starts With Ivan the Terrible, URL: http://www.nytimes.com/2015/03/31/world/europe/russian-museum-seeks-a-warmer-adjective-for-ivan-the-terrible.html?_r=0 (дата обращения: 15.04.2017)
45. MacFarquhar N. and Arango T. Putin and Erdogan, Both Isolated, Reach Out to Each Other, URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/09/world/europe/russia-putin-turkey-erdogan-syria.html> (дата обращения: 05.04.17)

46. MacFarquhar N. and Barnard A. Putin Orders Start of Syria Withdrawal, Saying Goals Are Achieved, URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/15/world/middleeast/putin-syria-russia-withdrawal.html> (дата обращения: 18.03.17)
47. Masters J. and Gittings P. Vladimir Putin: Is this one sporting contest he can't win? URL: <http://edition.cnn.com/2016/06/17/sport/rugby-sevens-olympics-russia-putin/index.html> (дата обращения: 29.03.17)
48. McFaul M. The Myth of Putin's Strategic Genius, URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/23/opinion/the-myth-of-putins-strategic-genius.html> (дата обращения: 18.03.17)
49. McGowan T. and Sinnott J. Russia Olympic ban: Six questions answered, URL: <http://edition.cnn.com/2016/07/21/sport/russia-doping-ban-rio-2016-olympic-games/index.html> (дата обращения: 26.03.17)
50. Melvin D. Putin, at concert in Red Square, celebrates first anniversary of Crimea annexation, URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/18/world/putin-celebrates-crimea-annexation-anniversary/index.html> (дата обращения: 02.04.2017)
51. Morris C. EU set to fight back in Russia information war, URL: <http://www.bbc.com/news/blogs-eu-31932005> (дата обращения: 08.04.2017)
52. Murder? Pull Out the Kremlin Script, URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/17/opinion/murder-pull-out-the-kremlin-script.html> (дата обращения: 07.04.2017)
53. Murphy C. Athletics doping scandal: Russia deemed 'non-compliant' by WADA, URL: <http://edition.cnn.com/2015/11/19/sport/athletics-wada-russia-compliant/index.html> (дата обращения: 09.04.17)
54. Nemtsov daughter condemns Russian media 'propaganda', URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-33061448> (дата обращения: 08.04.17)
55. Payne E., Starr B. and Cullinane S. Russia launches first airstrikes in Syria, URL: <http://edition.cnn.com/2015/09/30/politics/russia-syria-airstrikes-isis/index.html> (дата обращения: 30.03.17)

56. Petroff A. and Liakos C. Russia threatens Ukraine over debt repayment, URL: <http://money.cnn.com/2015/10/30/news/russia-ukraine-debt/index.html> (дата обращения: 02.04.17)
57. Pifer S. Putin, lies and his 'little green men', URL: <http://edition.cnn.com/2015/03/20/opinions/pifer-putin-misleads/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
58. Pigman L. Russia, in Military Exercise, Pits Fog of War Against Dogs of War, URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/12/world/europe/severomorsk-russia-exercises.html> (дата обращения: 30.03.17)
59. Powell L. Is now the time to visit Russia? URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/20/travel/russia-travel/index.html> (дата обращения: 15.04.2017)
60. Rainsford S. Aleppo Syria: Russia hails 'victory over terrorism', URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-38335970> (дата обращения: 05.04.17)
61. Rainsford S. Athletics doping: Russian athletes fear ban from Olympics, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34793282> (дата обращения: 25.03.17)
62. Rainsford S. Brand Putin: Russia's president still in fashion 15 years on, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32076836> (дата обращения: 07.04.2017)
63. Rainsford S. Fidel, Russia and rekindled Cold War memories, URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-38186197> (дата обращения: 26.03.17)
64. Rainsford S. Ukraine crisis: Putin shows who is boss in Crimea, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-33985325> (дата обращения: 18.03.17)
65. Raspopina S. The Russian woman who travels 500km to vote, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/15/most-boring-election-2016-russia-state-duma-parliamentary-vote-putin-crimea> (дата обращения: 17.03.17)

66. Rojansky M. and Kofman M. Isolated Russia has little left to lose, URL: <http://edition.cnn.com/2015/07/16/opinions/rojansky-kofman-mh17-anniversary/index.html> (дата обращения: 30.03.17)
67. Ros M. For your eyes only: Moscow's top secret Cold War relics, URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/18/travel/russia-cold-war/index.html> (дата обращения: 11.03.17)
68. Rosenberg S. Russia's Syria operation: Mission complete? URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-35824486> (дата обращения: 18.03.17)
69. Roxburgh A. Wrecking Russia's economy could be a disaster for the west, URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jan/16/russia-economy-west-vladimir-putin> (дата обращения: 01.04.2017)
70. Ruiz R. Olympic Officials Set Russia's Roster; More Than 100 Are Barred for Doping, URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/05/sports/olympics/rio-russians-barred-doping.html> (дата обращения: 08/04/17)
71. Russia country profile – Overview, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-17839672> (дата обращения: 07.04.2017)
72. Russia 'stronger than any aggressor' - Vladimir Putin, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-38414478> (дата обращения: 18.03.17)
73. Rutenberg J. Larry King, the Russian Media and a Partisan Landscape, URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/19/business/media/moscow-joins-the-partisan-media-landscape-with-familiar-american-faces.html> (дата обращения: 30.03.17)
74. Schmemmann S. The Brilliant Boris Nemtsov: A Reformer Who Never Backed Down, URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/03/opinion/the-brilliant-boris-nemtsov-a-reformer-who-never-backed-down.html> (дата обращения: 07.04.2017)
75. Simpson J. Life in Crimea: One year on from Russia's takeover, URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-31869747> (дата обращения: 02.04.2017)

76. Sindelar D. Moscow's singing babushka becomes accidental champion for elderly music fans, URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/21/moscows-russia-lida-ivanovna-singing-babushka> (дата обращения: 15.04.17)
77. Sinjab L. Syria conflict: The close ties behind Russia's intervention, URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-34422209> (дата обращения: 05.04.17)
78. Speck U. How Ukraine can beat Vladimir Putin, URL: <http://edition.cnn.com/2015/02/25/opinion/ukraine-putin-speck/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
79. Spinella P. Nostalgia and intrigue fuel booming trade in Soviet souvenirs, URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/01/soviet-souvenirs-etsy-ebay> (дата обращения: 15.04.2017)
80. Spodak C. Obama says Putin has failed to modernize Russia, URL: <http://edition.cnn.com/2015/02/11/politics/obama-putin-modernization/index.html> (дата обращения: 07.04.2017)
81. Syria conflict: US and UK rhetoric 'unacceptable' – Russia, URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-37473098> (дата обращения: 05.04.17)
82. Tavernise S. With Ruble's Decline, Russian Tourists Gain Appreciation for the Motherland, URL: <https://www.nytimes.com/2015/08/30/world/europe/with-rubles-decline-russian-tourists-gain-appreciation-for-the-motherland.html> (дата обращения: 11.03.17)
83. Tisdall S. Aleppo, Ukraine, cyber attacks, Baltic threats: what should we do about Putin? URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/15/what-should-we-do-about-russia-aleppo-ukraine-cyber-baltic-vladimir-putin> (дата обращения: 17.03.17)
84. The Editorial Board. Can Russia Make Peace as Well as War? URL: https://www.nytimes.com/2016/12/31/opinion/can-russia-make-peace-as-well-as-war.html?_r=0 (дата обращения: 05.04.17)

85. The Editorial Board. Russia Blames Others for Its Doping Woes, URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/29/opinion/russia-blames-others-for-its-doping-woes.html> (дата обращения: 09.04.17)
86. The Guardian view on the killing of Boris Nemtsov: a watershed for Russia, URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/mar/01/guardian-view-boris-nemtsov-watershed-russia> (дата обращения: 07.04.2017)
87. Trainor I. Donald Tusk: Putin's policy is to have enemies and to be in conflict, URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/15/donald-tusk-putins-policy-enemies-conflict-european-council-sanctions-russia> (дата обращения: 07.04.2017)
88. Ukraine bans 38 Russian 'hate' books amid culture war, URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-33863697> (дата обращения: 15.04.17)
89. Ukraine crisis: EU links Russia sanctions to truce deal, URL: <http://www.bbc.com/news/uk-31979244> (дата обращения: 01.04.2017)
90. US and Russia swim row recalls Cold War animosities, URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-37025201> (дата обращения: 09.04.17)
91. Walker P. British security services recruit Russian-language speakers again, URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2015/mar/13/british-security-services-recruit-russian-language-speakers-again> (дата обращения: 01.04.2017)
92. Walker S. As Russia enters war in Syria, conflict in Ukraine begins to wind down, URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/01/as-russia-enters-war-in-syria-conflict-in-ukraine-begins-to-wind-down> (дата обращения: 05.04.17)
93. Walker S. Kremlin pours cold water on MI5 chief's claims of Russian threat, URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/nov/01/kremlin-pours-cold-water-on-mi5-chiefs-andrew-parker-claims> (дата обращения: 17.03.17)
94. Walker S. Satirists seek crowdfunding to kickstart political comedy in Putin's Russia, URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/06/satirists-putin-russia>

seek-crowdfunding-to-kickstart-political-comedy-in-putins-russia (дата обращения: 15.04.2017)

95. Walker S. The murder that killed free media in Russia, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/05/ten-years-putin-press-kremlin-grip-russia-media-tightens> (дата обращения: 08.04.17)

96. Walker S. Tragedy or triumph? Russians agonise over how to mark 1917 revolutions, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/17/russia-1917-revolutions-legacy-lenin-putin> (дата обращения: 13.03.17)

97. Walker S., Shaheen K., Chulov M., Ackerman S. and Borger J. US accuses Russia of 'throwing gasoline on fire' of Syrian civil war, URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/30/russia-launches-first-airstrikes-against-targets-in-syria-says-us> (дата обращения: 16.03.17)

98. Wintour P. Eurosceptics playing into Vladimir Putin's hands, says Labour, URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/mar/10/eurosceptics-playing-into-vladimir-putins-hands-says-labour> (дата обращения: 19.03.2017)

99. Wintour P., Harding L., Borger J. Cold war 2.0: how Russia and the west reheated a historic struggle, URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/24/cold-war-20-how-russia-and-the-west-reheated-a-historic-struggle> (дата обращения: 16.03.17)

100. Yuhas A. How do you thaw US-Russia relations? Launch them into the frozen depths of space, URL: <http://www.theguardian.com/science/2015/mar/24/us-russia-space-mission-scott-kelly-mikhail-kornienko> (дата обращения: 01.04.2017)

Список словарей

1. Большой англо-русский словарь ABBYY Lingvo. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>
2. Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телия – М.: АСТ-Пресс, 2006. – 784 с.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
4. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 488 с.
5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.
6. Cambridge Dictionary Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
7. Oxford Dictionaries Online. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>

Список условных сокращений

- КЗ – коннотативное значение
КМ – картина мира
ККМ – концептуальная картина мира
ЛКО – лингвокультурная общность
ПД – публицистический дискурс
ПС – публицистический стиль
ПТ – публицистический текст
ЯКМ – языковая картина мира